

РАЗГОВОРЫ СРЕДИ ДРУЗЕЙ

ПО ПОВОДУ РОМАНА

„Воскресение” гр. Л. Н. Толстого.

(Картина съ натуры).

С. Бронницкаго.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„Миссіонерское Обозрѣніе“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. КОМАРОВА. Невскій, 136.

1901.

**Разговоры среди друзей по поводу романа „Воскресение“
Л. Н. Толстого.**

(Картина съ натуры).

Молодой человѣкъ только-что прибывшій изъ подмосковской глупши для того, чтобы отвести душу въ подираздничной кружковой бесѣдѣ мыслящей, передовой интеллигентіи современной Москвы, спѣшилъ въ Кривоколѣнныи переулокъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ; черезъ четверть часа онъ остановился у двухъ-этажнаго деревяннаго дома, окрашенаго въ коричневую краску.

Нашъ провинціалъ, взглянувъ мелькомъ въ карманные часы, поспѣшно спустился въ самый нижній этажъ названнаго дома, по лѣстницѣ, ведущей съ улицы въ парадное крыльцо и дернуль за ручку звонка.

Ему отворила, молодая служанка съ добродушной привѣтливой улыбкой и на вопросъ, здѣсь ли Владимира Владимировичъ и Игнатій Ивановичъ,—отвѣчала, что еще не явились, но вѣроятно скоро будуть. По шуму доносившихся голосовъ видно было, что гостей собралось не мало. Молодой человѣкъ лишь двоимъ-троимъ на ходу пожалъ руки, всѣ остальные были незнакомы ему. Такъ какъ большая часть компаний сгруппировалась „въ библіотекѣ“, занявъ всѣ имѣющіяся на лицо стулья и диваны, то нашъ провинціальный интеллигентъ присоединился къ тѣмъ, которые стояли около самаго шкафа, заваленнаго сплошь книгами, и уже вели горячій споръ о чёмъ-то. Вокругъ спорящихъ, въ ажитациіи съ заломанными назадъ руками, шагали двѣ дѣвушки-курсистки. Значительная часть публики расположились въ неизнужденныхъ позахъ за огромнымъ столомъ, занимавшимъ почти всю комнату, и другъ съ другомъ перебрасывались короткими отдѣльными фразами, иные смыялись, иные вполнѣ голоса пѣли, а иные бренчали на гитарѣ. Но вотъ скоро явились и знакомые нашего одиноко чувствовавшаго себя провинціала. Собраніе было въ полномъ составѣ завсегда-таевъ.

— Господа!—началъ Владимира Николаевичъ,—собрались мы сюда, какъ вамъ извѣстно, для обсужденія тѣхъ жизнеп-

ныхъ вопросовъ, которые затронулъ Л. Н. Толстой въ романѣ „Воскресеніе“. Въ настоящую минуту мнѣ хотѣлось бы предварительно коснуться существующихъ толковъ, по поводу этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, гениальнаго произведенія. Я нахожу, что означенныя какъ печатные отзывы, такъ и частные разговоры, во-первыхъ, противорѣчивы, во-вторыхъ, неискренни. Они не отвѣчаютъ прямо на запросы автора, суть которыхъ, какъ справедливо сейчасъ замѣтилъ Рогожинъ, заключается въ слѣдующемъ: правильно ли настоящее, занимаемое нами, положеніе въ жизни? вѣренъ ли вообще нашъ жизненный кругозоръ? Это, по моему, самое важное, это то, какъ увидимъ ниже, что желалъ сказать авторъ устами своего главнаго героя, кн. Нехлюдова. Останившись на личности сего послѣдняго, вижу, что Нехлюдовъ, одинъ изъ тѣхъ новыхъ типовъ, которые, правда, еще рѣдки, они только что пробиваются на свѣтъ Божій, по некоторымъ, однако, суждено, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ поднять упавшій духъ нашей интеллигенціи, указать ей иныя формы жизни, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ сами вышли, вкусивъ до пресыщенія заманчивыхъ снаружи, по вредныхъ для духа—плодовъ этой развращенной, ложной жизни. Нечего говорить, что Н—въ въ данномъ случаѣ далеко не походитъ на обыкновенные типы „недовольныхъ людей“, подъ какую категорію причисляеть его поверхностная фельетонная критика, и которыхъ особенно изобильно расплодилось на почвѣ барства въ пореформенное время. Онъ не подходитъ ни къ Печорину, ни къ Чацкому и ни къ кому изъ такъ называемыхъ передовыхъ людей, онъ именно новый типъ...

— Напротивъ, я нахожу много общаго съ означенными передовыми дѣятелями,—сказалъ, приподнимаясь изъ-за стола и приближаясь ко все болѣе и болѣе увеличивающейся группѣ спорящихъ около шкафа, господинъ лѣтъ 30, сутуловатый, худой, съ жиденькими, русыми всклокоченными волосами и съ обозначавшейся широкой лысиной на темени. Господинъ этотъ, повидимому, былъ изъ числа „нервныхъ“. Когда онъ заговорилъ, то сразу на нѣсколько тоновъ повысилъ голосъ, не соответственно съ развитиемъ хода своей аргументаціи. Въ продолженіе всей рѣчи сѣрые глаза его искрились задоромъ, а на тонкихъ губахъ едва замѣтно мелькала проническая улыбка.

— Нехлюдовъ, говорилъ Викторъ Васильевичъ, по моему, прежде всего представитель извѣстнаго намъ обличительнаго направления въ литературѣ, которое впервые является у насъ съ именемъ *Грибоѣдова*. Говорятъ, что Т—й будто бы слишкомъ стущаетъ краски въ изображеніи темныхъ сторонъ жизни людей своего круга. Странно! да развѣ Т—й единственный примѣръ въ роли обличителя укоренившихъ вредныхъ привычекъ людей даннаго круга, ихъ предразсудковъ, ихъ стремленій къ власти, къ карьерѣ и т. п. Возьмите хотя безпощадную сатиру Щедрина, или скромную лиру Некрасова, возьмите нѣкоторые типы Гл. Успенскаго, Островскаго, Достоевскаго, даже романы ретрограднаго кн. Мещерскаго,—всѣ они въ извѣстныхъ своихъ произведеніяхъ являются болѣе или менѣе обличителями пороковъ высшаго общества, его ханжества, бюрократизма, взяточничества и т. д. А потому такихъ людей, съ ихъ пламеннымъ рѣчами въ защиту „униженныхъ и оскорблѣнныхъ“, въ защиту правды,—мнѣ бы хотѣлось уподобить ветхозавѣтнымъ пророкамъ, въ какомъ смыслѣ они и охарактеризованы въ стихотвореніяхъ Лермонтова и Пушкина. „Глаголомъ жечь сердца людей... Да и съ точки зрѣнія ортодоксіи, улыбнулся Викторъ Вас. въ сторону Игн. Ив., обличительныя рѣчи ихъ, надо полагать, не бесполезны: кто знаетъ, какими путями Провидѣніе ведетъ человѣчество къ свѣту?

— Пути промысла Божія, конечно, для насъ непостижимы, отвѣчалъ серьезно Игнатій Иван., это такъ, но все же современные пророки ни въ образѣ жизни, ни въ образѣ мысли далеко не походятъ на извѣстныхъ намъ ветхозавѣтныхъ пророковъ: у послѣднихъ было хоть единство цѣли,—ихъ проповѣди покоялись на личности Мессіи. А у нашихъ пророковъ, позвольте узнать, въ чёмъ высказывается единство ихъ міросозерцанія?

— Единство міровоззрѣній современныхъ мыслящихъ людей можно формулировать такъ: *исканіе смысла жизни*, сказалъ Акимъ Михайловичъ.

— Исканіе смысла жизни—это такая общая формула, которую, во-первыхъ, можно приложить ко всякой разумной личности, живущей хоть мало-мальски духовно, во-вторыхъ, формула эта по времени ея происхожденія такъ же стара, какъ старъ міръ. Слѣдовательно, въ настоящемъ вопросѣ

она ничего не объясняетъ. Надо необходимо имѣть предѣльныя границы, и, какъ мнѣ кажется, не лучше-ли подъ рассматриваемымъ единствомъ разумѣть просто единую руководящую идею, или, по крайней мѣрѣ, общія точки соприкосновенія въ дѣятельности и мысли передовыхъ людей нашего времени. Но скажите откровенно—гдѣ эти точки?

Гдѣ, въ какихъ случаяхъ и по какимъ вопросамъ современные люди, мысли и идеи сливались бы въ стройномъ, гармоничномъ концерте?

Нѣтъ, по всѣ и каждый идуть своей собственной дорогой, часто не понимая другъ друга, мѣшая одинъ другому. Если, напр., Чацкій обличалъ общество за его рабство предъ западомъ, обличалъ за его пристрастіе къ той западной цивилизациѣ, которая характеризуется „гнилью“, обличалъ за отступленіе отъ коренныхъ основъ русской жизни, каковы—вѣра, языкъ, патріотизмъ и т. под.; если славянофилы въ лицѣ братьевъ Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Самарина и Хомякова, отчасти и народники, ратовали за патріархальную Русь,—то другая партія мыслящихъ людей во главѣ съ Герценомъ и Бѣлинскимъ, что называется, до мозга костей была проникнута западничествомъ и находилась съ первыми въ постоянной враждѣ... Ясно, что всѣ эти люди въ искаинѣ путей жизни шли вразброда, и ни о какомъ объединеніи тутъ и рѣчи не можетъ быть.

— Вы такъ думаете,—замѣтилъ высокаго роста, довольно плотный, съ небольшой головой, черноватый, суровый господинъ,—а вѣдь Т—й думаетъ иначе: онъ, мнѣ кажется, съ своею проповѣдью далекъ отъ всякой партійности и долженъ послужить примирителемъ враждующихъ изъ-за идеи сторонъ.

— Это на какомъ же основаніи обольщаете себя подобными несбыточными надеждами, можетъ быть, на основаніи безпощаднаго отрицанія Т—мъ *всего*, что дорого и свято для большинства людей и что, по моему, составляетъ сущность жизни? Игнатій Ивановъ видимо волновался. Нѣсколько разъ онъ порывисто прошелся по комнатѣ въ напряженной задумчивости, потомъ продолжалъ: какія же въ самомъ дѣлѣ у насъ могутъ быть точки соприкосновенія съ ученымъ гр. Т—го, и на какомъ бы изъ известныхъ намъ передовыхъ людей этотъ „великій писатель земли Русской“ остановилъ

свое благосклонное внимание? Решительно ни на комъ: всѣ они—и соціалисты, и народники, славянофилы, и западники, поскольку каждый изъ нихъ, опираясь на свои теоріи, старается защитить тотъ или иной соціальный порядокъ: государство, культуру, религію, церковь,—всю они, по мнѣнію Т—го, стоять сознательно или безсознательно за насилие, всѣ хотятъ властвовать другъ надъ другомъ, ибо все это—и культура, и церковь—чистейшій самообманъ, совершенно ложный путь жизни, это, пожалуй, выдумка ловкихъ людей для своей выгоды...

Такимъ образомъ, Толстой, отвергнувъ всю исторію жизни человѣчества, какъ какой-то сплошной миражъ, хочетъ выдумать для него свою исторію дѣйствительной разумной жизни; онъ, какъ замѣчаетъ одинъ критикъ Т—го: „хотеть решительно до всего доходить самъ. Все готовое ему претить хуже, чѣмъ разогрѣтое блюдо. Ему нужна своя религія, своя политическая экономія („что такое деньги?“), своя нравственность, своя жизнь, своя культура“...¹⁾ Гдѣ же, спрашивается, у него примирительная начала съ мыслящими людьми разнообразныхъ, но честныхъ убѣждений, изъ которыхъ для многихъ то, что отрицаютъ Т—й, была сама разумная дѣйствительная жизнь?

— Толстой, повидимому, самъ себѣ законъ, сказалъ, приподнимаясь на локотки маленькой субъектъ и вопросительно посмотрѣлъ на Ник. Влад. Это видно изъ того, что онъ обходитъ самые законы жизни.

— Ничего этого не видать, пока вы не объясните, о какихъ законахъ думаете, въ свою очередь зашумѣлъ Николай Владимировичъ, демонстративно оставляя свое предсѣдательское мѣсто, подъ предлогомъ достать какую-то книгу съ полки.

— Я надѣюсь, что для большинства изъ насть, здѣсь присутствующихъ, законы эти извѣстны и не требуютъ особыхъ поясненій съ моей стороны, сказалъ молодой человѣкъ и вспыхнулъ. Впрочемъ, я готовъ для большей опредѣленности разъяснить свою мысль. Законы, о которыхъ я думаю, раздѣляются на два вида, или на двѣ категоріи.

Поскольку человѣкъ существуетъ живое, „онъ подчиненъ всѣмъ законамъ животнаго существованія, которые от-

¹⁾ Журн. «Жизнь» 1900 г. февр.

крываетъ намъ биологія". Важнѣйшій основной законъ этого порядка прежде всего есть законъ поддержанія и сохраненія животной жизни,—законъ, который ап. Павелъ формулируетъ такъ: „никто же плоть свою ненавидитъ, но всякий пищаетъ и грѣть ее“. Рядомъ съ нимъ другой законъ, данный Богомъ: „раститесь и множитесь и наполняйте землю“. Отсюда создалась семья, отсюда явилось стремленіе къ сохраненію своего рода, отсюда же и борьба, физическая наслажденія, стремленіе къ личному счастію; отсюда, наконецъ, создалось общество и государство.

Но человѣкъ не только животный организмъ, онъ и существо духовное, онъ подчиненъ другимъ законамъ — внутреннимъ, нравственнымъ, во главѣ съ религіознымъ чувствомъ. Это послѣднее человѣкъ выразилъ въ религіозномъ культѣ, со всѣми его ритуалами. Исторія и антропологія доказываютъ, что насколько бы ни было примитивно духовное развитіе человѣка, но безъ религіи онъ не живеть. Правда, нѣкоторые изъ путешественниковъ утверждаютъ что будто существуютъ такія дикія племена, у которыхъ не найдено никакихъ признаковъ религіозной жизни. Однако, намъ кажется, что подобнымъ изслѣдованіямъ придавать особыго значенія нельзя: путешественники могли ошибиться, не понимать дикарей, или превратно истолковать ихъ отвѣты, да и сами дикии могли неясно выразить свои чувства, словомъ, могло произойти взаимное непониманіе.

Съ другой стороны, отрицательныхъ фактовъ несравненно меньше, чѣмъ положительныхъ, говорящихъ въ пользу религії. Итакъ, эти два вида законовъ—животные и духовные—въ общемъ составляютъ одно цѣлое—жизнь людей. Притомъ, если первые необходимы для сохраненія животной личности, то вторые, внутренніе, регулируютъ жизнь личностей въ ихъ взаимоотношеніяхъ и въ отношеніяхъ къ Богу, даютъ личности соответствующее направленіе и развитие. Въ развитіи, или прогрессѣ жизни, кромѣ законовъ, громаднѣйшее значеніе имѣютъ идеалы.

Идеалы первобытнаго человѣка, представителемъ кото-
рого до нѣкоторой степени является современный дикарь, преимущественно сосредоточивались въ счастіи животной личности, въ чувственномъ наслажденіи; этимъ отчасти объясняется косность, неподвижность людей первобытной культуры.

На высшей ступени развития человека замычаются уже следы духовной жизни, стремление къ высшимъ идеаламъ, постепенно является все то, что у насъ называется творчествомъ: искусство, литература, наука и др. плоды духовной жизни. Къ такимъ культурнымъ народностямъ принадлежать древніе Греки и Римляне. Что касается христианства, какъ новый эры, то оно является завершителемъ этого великаго движенія къ прогрессу человѣчества.

Христосъ, какъ свидѣтельствуетъ ап. и евангелистъ Иоаннъ Богословъ, есть начало и конецъ всей міровой исторіи ¹⁾. Начало въ смыслѣ того нового направленія въ жизни человѣка, гдѣ тѣло должно подчиняться духу, конецъ въ безсловномъ, всесовершенномъ идеалѣ, явленномъ міру въ безгрѣшной личности Христа.

Но между этими двумя полюсами жизни—что должно быть существенно въ идеѣ царствія Божія (въ земной жизни людей по заповѣдямъ Христовымъ)—необходимы извѣстныя градации, въ зависимости отъ степени совершенства людей, необходимъ разнообразнѣйший строй общежитія людскаго, какъ-то: семья, общество, государство съ его гражданскими, законами.

Разнообразнѣйшіе союзы и кооперациіи обществъ въ своемъ истинномъ назначеніи должны способствовать развитію въ людяхъ взаимной симпатіи, взаимной солидарности.

Но утверждать, по примѣру Т—го, что тотъ или другой государственный строй есть выдумка хитрыхъ людей, значитъ сознательно возводить чудовищное обвиненіе на этихъ людей, которые являются ни больше—ни меньше, какъ только орудіемъ данныхъ законовъ жизни, направляемыхъ всемогущею рукою Творца и Промыслителя.

Само собою разумѣется, братство и равенство во имя Христово весьма желательно; но вѣдь это идеалъ ²⁾, къ которому стремится человѣчество, но достиженію котораго мѣшаютъ низшіе законы, игнорируемые Т—мъ безъ всякихъ твердыхъ основаній.

— Сдается мнѣ, что вы не совсѣмъ поняли Т—го, замѣ-

¹⁾ Христосъ—Виновникъ бытія міра.

²⁾ Съ другой стороны, братство и равенство никакъ не исключаютъ ни идеи государства, ни общества, такъ какъ осуществленіе первого зависитъ отъ сердечныхъ движений, а не отъ формъ жизни.

тиль блѣднолицый молодой человѣкъ: вы, напр., неосновательно говорите, что будто бы Т—й отвергаетъ всѣ законы жизни; напротивъ, законъ внутренній, нравственныи,—разумъ и совѣсть, по его мнѣнію, скорѣе, по духу христіанскаго ученія, должны преобладать надъ законами вѣнѣчными, каковы, напр., законы гражданскіе. Можетъ быть законы послѣдней категоріи и необходимы были для языческихъ народностей, когда государство было всѣмъ, а личность ничѣмъ, когда личность безусловно подчинялась закону и приносилась въ жертву не только государству, создавшему эти жестокіе законы, но капризамъ какого-нибудь тирана, вродѣ Нерона, для потѣхи котораго ничего не стоило состряпать кровавый человѣческий винегретъ изъ рабовъ и христіанъ! Другому такому же тирану, глядишь, взбредетъ въ голову сумасбродная мысль объявить войну, съ цѣлью порабощенія сильными слабыхъ, и затѣмъ въ видѣ триумфа принести на алтарь жертвы сотни военнопленныхъ! И все это продѣлывалось правителями и законодателями, подъ личиною выдуманныхъ ими гражданскихъ законовъ, которые, навѣрное, считались и тогда, какъ теперь, божественными установлѣніями. Мнѣ бы хотѣлось по этому поводу защитникамъ ортодоксіи замѣтить, что они забыли, какъ Христосъ обличалъ фарисеевъ и книжниковъ за то, что они возлагаютъ на плеча человѣческія неудобоносимыя бремена, подъ гнетомъ которыхъ стонала народъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ забываютъ о Божіемъ законѣ, о повиновеніи голосу совѣсти, забываютъ о томъ внутреннемъ свѣтѣ, который влечетъ человѣка къ добру, къ познанію истины. А истина дѣлаетъ человѣка свободнымъ отъ всякихъ путь и отъ рабства закону, по слову ап. Павла: „мы умерли для закона, которымъ были связаны, мы освободились отъ него, чтобы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ“.

— Сергѣй Васильевичт! заговорилъ опять Игн. Ив., вы, во-первыхъ, совершенно произвольно истолковываете приведенный вами текстъ св. Писанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ закономъ апостолъ разумѣеть законъ прародительскаго грѣха, для котораго мы дѣйствительно умерли во Христѣ, „искупившемъ насъ отъ клятвы законнага“, но не законъ гражданскій, относящійся къ общежитію людей. Во-вторыхъ, вы смѣшиваете этотъ послѣдній съ нѣкоторыми

выдумками людей, которые иногда несправедливо прикрываются лициною закона. Какъ разъ подобного рода вставки, осложненія появились и въ законѣ Моисея, когда фарисеи и такъ называемые законники сдѣлались единственными авторитетными истолкователями помянутаго закона и руководителями народа. Очевидно, вставки эти были рѣзкимъ противорѣчіемъ закону Божиєму и даже закону гражданскому, опредѣлявшему права семейныя, общественные и бытовыя еврейскаго народа, почему и вызвали со стороны Господа извѣстное порицаніе.

Впрочемъ, всякий гражданскій законъ въ дѣлахъ высшаго блага съ теченіемъ времени подлежитъ измѣненію и развитію, въ зависимости оть развитія общественного самосознанія; очевидно, фарисеи не имѣли въ виду послѣдняго при измѣненіи законовъ, а руководствовались властолюбивыми эгоистическими расчетами, за что и были осуждены Верховнымъ Законодателемъ. Между тѣмъ вопросъ, т. ск., пересмотра закона стоялъ на очереди, и Господь, объясняя смыслъ этихъ временныхъ законовъ, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ были даны по жестокосердію людей и къ данному духовному строю общества ужъ неприложимы. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что тѣ или другіе гражданскіе законы не имѣютъ вообще значенія для жизни. Нѣть, на всѣхъ степеняхъ общественного развитія они, вмѣстѣ съ законами нравственными, имѣли и будутъ имѣть смыслъ борьбы со зломъ, смыслъ огражденія человѣка отъ зла, отовсюду входящаго въ его жизнь. Всльдѣствіе чегоупомянутые законы раздѣляются какъ бы на два порядка: законы вѣнчаніе, гражданскіе и законы внутренніе, нравственные, дающіе силу первымъ и въ свою очередь санкционирующіеся въ Божественномъ законѣ, основанномъ на Откровеніи.

— Позвольте! какъ же все сейчасъ сказанное вами согласовать съ учениемъ Христа о Царствіи Божиємъ въ отношеніи къ государству? Какъ понимать отказъ Христа о раздѣлѣ имѣнія между тяжущимися родными братьями? Да и вообще изъ Евангелія видно, что Христосъ совершенно игнорировалъ всѣ наши житейскіе законы.

— Такъ и понимайте, какъ сказано объ этомъ въ Евангеліи,—сказано, что Христосъ не имѣлъ дѣла съ общественной организацией, а имѣлъ съ организацией человѣческой души,

которую пришелъ спасти. Вотъ что еще добавлю словами одного апологета: „Христосъ могъ преподать только вѣчную, непереходящую истину, ибо христианство есть свѣтъ, предназначенный свѣтить во всѣ вѣка,—и потому Христосъ не могъ давать указаний относительно вѣшнихъ учрежденій общественной жизни, которой Онъ нигдѣ не касается.—Всѣ установления царства Божія, преподанныя Имъ, относятся до духовной жизни людей, до внутренняго человѣка („Царствіе Божіе внутрь васъ“—Лук. 17,21),—не затрагивая непосредственно никакихъ вѣшнихъ учрежденій древняго міра. Онъ возродилъ, создалъ новаго духовнаго человѣка, и этотъ возрожденный и обновленный человѣкъ долженъ быть, по мѣрѣ освобожденія его чрезъ познаніе истинною (Іоан. 8, 32), пересоздавать и весь вѣшній строй жизни древняго (и новаго) общества“.

Съ этой точки зреія, мнѣ кажется, и можно понять, игнорировалъ ли Христосъ наши житейскіе законы. Нѣть, Онъ не игнорировалъ ихъ; чтобы видѣть это, достаточно размыслить объ отвѣтѣ Господа иродіанамъ по поводу дани Кесарю, а также объ отвѣтѣ Его Пилату по поводу власти послѣдняго; или, наконецъ, о повелѣніи Спасителя исцѣленнымъ прокаженнымъ идти къ священникамъ и принести очистительную жертву, установленную закономъ Моисея. Кроме всего этого мы и по самому смыслу христианскаго Откровенія должны понять, что строй жизни людей, охраняемый закономъ, вовсе не безразличенъ для христианскаго вѣроученія, въ частности для Церкви. Глава Церкви—Христосъ, Который открылъ намъ Бога, какъ любвеобильнаго Отца, непрестанно пекущагося о чадахъ Своихъ,—училъ о Промыслѣ Божиемъ, говоря: „если всякую полевую лилію Богъ одѣваетъ въ красивыя одѣжды,“ тѣмъ болѣе печется десница Всевышняго о вѣшнихъ удобствахъ нашей жизни, какъ-то, о пищѣ, одѣждѣ, жилищѣ и т. п. Мудрые гражданскіе законы (въ параллель съ законами нравственными), способствующіе установлению царства Божія на землѣ, суть та же красота лиліи, ласкающая наше зреіе, это твердый покровъ, подъ которымъ спокойно могутъ развиваться духовные силы.

Господа! мнѣ кажется, на основаніи нѣкоторыхъ фактovъ, нельзя не согласиться съ Игнатьемъ Ивановичемъ, что дѣйствіе гражданскихъ законовъ и помошь правительства бываютъ иногда необходимы и въ высшей степени плодотворны, заговорила одна изъ курсистокъ и тотчасъ-же, поднявшись, начала шагать по комнатѣ (заложивъ руки на спинѣ): Толстой, видимо, вдается въ крайность, утверждая, что будто все распоряженія, исходящія сверху, не способствуютъ прогрессу, пока не пробудится сознаніе въ массѣ. Позвольте!— повышая тонъ и волнуясь, говорила ученая барышня — вѣдь эта масса была безличная; надѣй пей тяготѣль дикій произволъ помѣщика, человѣка, которому бы никогда не пришла мысль освободить музыка (конечно, единичные случаи ничего не доказываютъ въ данномъ вопросѣ), еслибы благодѣтельныя реформы Александра II-го не положили предѣла распространенію зла. Съ другой стороны, тѣ же реформы или распоряженія, исходящія сверху, положили и начало развитію самознанія народа.

— Подобныхъ примѣровъ вы встрѣтите немало въ исторіи нашего отечества, сказалъ Игнатій Ивановичъ, и самый выдающійся изъ нихъ, по моему мнѣнію,—это дѣло распространенія христіанства въ Россіи, виновникомъ котораго (т. е. распространенія) является личность любимаго народа князя Владимира. А вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ известно, началось у насъ и просвѣщеніе, началась христіанская культура, задержанная, правда, надолго впослѣдствіи татарскимъ игомъ.

— Но зато были другія личности изъ среды правителей, замѣтилъ блѣднолицій господинъ, которыхъ положили начало крѣпостничеству, которыхъ вѣли кнутъ, тайную канцелярію съ знаменитымъ „словомъ и дѣломъ“, учредили опричнину и проч. и проч. Неужели это, по вашему, все отъ Бога: „сущія же власти отъ Бога учинены суть“, какъ говорится въ катехизисѣ,—и кончено.

— И всетаки ваши доводы ничего не говорятъ противъ тѣхъ законовъ и лицъ правящихъ, дѣйствія которыхъ направлены на борьбу со зломъ,—противъ законовъ, которые проникнуты духомъ милосердія и справедливости, которые поэтому носятъ на себѣ печать Божіей благости и премудрости. Вы собственно можете разсуждать лишь о злыхъ по-

ступкахъ человѣка или о томъ законѣ, который обходить безъ объясненія Толстой,—о законѣ зла. Законъ этотъ („живущій въ удахъ человѣка, и противоборствующій закону добра“) въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ тяготѣеть надъ міромъ, заграждая для него свѣтъ правды; онъ вносить нестроенія не только въ общественную жизнь, но и въ природу.

Благодаря злу, несомнѣнно, и въ исторіи нашего отечества попадаются темные страницы. Мы, напримѣръ, пережили междуусобицу князей и татарщину, видѣли крамолы и разбойнические набѣги Разинихъ и Пугачевыхъ,—все было очень мрачное, ужасное, и однако все, при помощи Божіей, миновало. И миновало потому, что русскій народъ въ его лучшихъ представителяхъ по преимуществу глубоко-религіозенъ: онъ твердо вѣритъ въ правду и въ вѣчные законы Божіи, которыхъ никакая сила вражія не одолѣть.

— Интересно знать, что вы разумѣете подъ вѣчными законами, Игнатій Ивановичъ? спросилъ Владимиръ Николаевичъ.

— То, что составляетъ основу истиннаго прогресса жизни.

— Понятіе довольно неопределеннѣе, зависящее отъ разлічныхъ точекъ зрѣнія на прогрессъ или эволюцію. Такъ, напримѣръ, сущность прогресса природы ученые приписываютъ закону сохраненія энергіи въ ней,—въ жизни людей Толстой, положимъ, признаетъ любовь.

— Господа! дѣло не въ названіяхъ, вмѣшалась снова курсистка,—нужно только знать, существуетъ ли эволюція, прогрессъ въ жизни, или это просто выдумка ученыхъ людей и мудрецовъ міра сего?

— Безъ сомнѣнія! безъ сомнѣнія! послышалось нѣсколько голосовъ,—прогрессъ—это истина.

— Ну, тогда изъ-за чего же спорить, т. е. для чего касаться столь туманныхъ вопросовъ, какъ бытіе, сущность и т. п. Достаточно быть увѣренному въ движеніи жизни впередъ, къ лучшему, остальное неважно.

— Извините, Ручицкая, дайте все же выяснить Игнатію Ивановичу, сказалъ юный студентъ.

Дѣвушка покачала плечами и смирила молодого человѣка недовольнымъ взглядомъ.

— Хотя особыхъ поясненій къ рѣчи Игнатія Ивановича и не надо, возразилъ блѣднолицый субъектъ, я, напримѣръ,

отлично понять его, какое онъ значение приписываетъ такъ называемымъ общечеловѣческимъ законамъ, которые онъ, какъ вы слышали, раздѣляетъ на два вида—низшіе и высшіе. Низшіе законы, относящіеся къ области права, имѣютъ цѣллю оградить общественный порядокъ жизни отъ вліянія зла съ виѣшией стороны. Законы высшей категоріи, коренящіеся въ духовномъ сознаніи и нравственномъ чувствѣ человѣка, т. е. въ его совѣсти и разумѣ, уничтожаютъ зло въ самомъ корнѣ, такъ сказать, лишають его жизнеспособности. Но при этомъ весь строй нашей жизни безусловно долженъ имѣть опору только въ откровеніи. Человѣкъ, полагаясь исключительно на личный свой разумъ, на совѣсть и на волю, какъ думаетъ Толстой и многіе съ нимъ, и вообще пользуясь абсолютной автономіей, не можетъ достигнуть ни охраненія устоевъ жизни, ни ихъ измѣненія и усовершенствованія, не рискуя впасть въ анархію.

Говорятъ, что религія по существу всегда консервативна. Да, по существу своихъ догматовъ, какъ Богооткровенныхъ истинъ, это такъ. Но въ задерживаніи роста жизни нисколько не виновата,—виноваты сами люди съ ихъ извращенной грѣховной волей, съ ихъ затемненнымъ сознаніемъ, которые ужъ дѣйствительно чрезвычайно медленно двигаются въ своемъ нравственномъ усовершенствованіи. Религія уже указала идеаль безусловнаго усовершенствованія по подобію Бога и въ лицѣ Христа Его (будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный), люди мѣрятъ свой духовный ростъ по виѣшимъ преобразованіямъ жизни, по успѣхамъ научныхъ открытій и т. д. Религія учить, что счастіе не въ этихъ виѣшихъ богатствахъ, а въ томъ, что освобождается нась отъ исключительной привязанности къ нимъ и часто придаетъ красоту самой культурѣ (въ томъ, въ чемъ наиболѣе послужило христіанство поворотнымъ пунктомъ въ исторіи цивилизациі). Какие же признаки христіанскаго вліянія на цивилизaciю? спросятъ нась,—скажу, что когда говорятъ о гуманныхъ законахъ и гуманныхъ правителяхъ, то я вижу въ этомъ вліяніе христіанства; когда раздаются голоса въ пользу просвѣщенія, смягчающаго нравы людей и сближающаго насъ другъ съ другомъ, независимо отъ занимаемыхъ нами разныхъ общественныхъ положеній, я вижу въ этомъ опять дѣйствіе христіанства; когда мало-по-малу

падаютъ кастовые и сословные предразсудки, и когда люди другъ друга признаютъ за братьевъ, то въ сердцахъ такихъ людей, можно сказать, осознательно вѣеть благодать Христова, и, наконецъ, когда смягчаются фанатизмъ и ненависть другъ къ другу изъ-за религіозныхъ убѣжденій, то всѣ и заблуждающіеся, и не заблуждающіеся искренно стремятся къ истинѣ, которая, по слову Христа, освободить и объединить насть; но болѣе же всего, когда наши сердца будутъ согрѣты любовью, когда вѣра украсится плодами добродѣтели, — тогда только, по свидѣтельству ап. Иоанна, мы будемъ пребывать въ Богѣ и Богъ въ насть; ибо Богъ — любовь. Любовь же, какъ говоритъ другой ап.—Павелъ, никогда не умираетъ. Все же осталъное — преходяще, даже знаніе (многоученость) упразднится.

Но когда все это будетъ, — когда водворится царствіе Божіе на землѣ? когда и суды, и тюрьмы, и многія другія законныя учрежденія окажутся лишними и совершенно упразднятся? когда всѣ люди перекуютъ мечи на плуги, и миръ, возвѣщенный ангелами виолеемскимъ пастухамъ, водворится среди народовъ? Тогда, отвѣчаетъ слово Божіе, когда люди будутъ жить по заповѣдямъ Христовымъ. Для Толстого и нѣкоторыхъ сектантовъ подобныя „времена уже близки“. Но въ дѣйствительности „миръ еще во злѣ лежитъ“. Законъ Христовъ рѣетъ гдѣ-то еще высоко надъ міромъ. До сихъ поръ мы не перестаемъ нарушать его. До сихъ поръ Церковь Христова непрестанно возносить свои молитвы къ Богу о томъ, чтобы законы имѣли силу, правители — мудрость и нелицепріятіе, и чтобы Духъ Божій почилъ надъ всѣми людьми.

Таковы факты и противорѣчія дѣйствительной жизни. Поэтому весьма интересно прослѣдить, какъ рѣшается Толстой данныя противорѣчія жизни въ своемъ новомъ романѣ, — собственно прослѣдить за дѣйствіями его главнаго героя кн. Нехлюдова, котораго авторъ сдѣлалъ послѣдователемъ своей теоріи жизни...

На нѣкоторое время серьезные разговоры прекратились. Быть поданъ чай, и большая часть компаний, для отдыха и разнообразія, перекидывались шутками, остротами, смѣхомъ, послышался снова звукъ гитары и віолончели; кто-то сталъ пѣть; ему подтаячивали сдержанно женскіе голоса. Черный

угрюмый господинъ и его сосѣдъ собрались уходить, подъ предлогомъ, что имъ сегодня нужно быть въ театрѣ. Игнатій Ивановичъ съ налитымъ стаканомъ чая подошелъ къ учителю, который сейчасъ же началъ что-то ему горячо объяснять. Блѣднолицій господинъ сосредоточенно шуршалъ листами лежащей предъ нимъ книги, отпивая небольшими глотками чай изъ стакана. Владімір Николаевичъ и курсистка хозяинчиали, т. е. предлагали чаю тѣмъ, у кого не было, и по числу гостей вели подсчетъ налитымъ стаканамъ.

— Для меня, „благодѣтельный переломъ“ съ Нехлюдовымъ въ означенномъ толстовскомъ направленіи неясенъ, началъ опять Игнатій Ивановичъ. Я готовъ допустить, что обвиненіе Масловой, имѣвшей такое огромное вліяніе на Нехлюдова, было ошибкой суда, ошибкой гг. присяжныхъ, у которыхъ на этотъ разъ произошло какое-то странное потемнѣніе здраваго смысла. Кстати о судѣ присяжныхъ. Этотъ новый судъ, въ противоположность прежней процедурѣ судовъ,— судъ „скорый, милостивый и для всѣхъ равный“,— эта одна изъ великихъ реформъ Александра II,—къ общему удивленію, Толстымъ не пощажена; надъ ней онъ поставилъ крестъ въ лицѣ бывшаго присяжнаго, кн. Нехлюдова, который, конечно, совершилъ глупость на судѣ. И странно! эта нехлюдовская глупость будто-бы должна открыть всѣмъ глаза на то, что суды не слѣны. Изъ того, что въ судахъ совершаются ошибки, изъ того, что въ тюрьмахъ и на каторгѣ преступники не исправляются, а еще развращаются, — изъ всего этого нельзѣ основаній въ принципѣ отвергать установленныя мѣры борьбы съ преступностью. Логически мы можемъ заключать только то, что данные мѣры несовершенны, не достигаютъ желаемой цѣли и потому требуютъ того или другого измѣненія. А если Нехлюдовъ, напротивъ, пришелъ къ безусловному отрицанію и судовъ, и тюремъ и притомъ такъ скоро и легко,—мы усматриваемъ въ его душевномъ кризисѣ что-то не свое, а дѣланное, именно то, что желаетъ навязать ему авторъ въ угоду своей тенденціи, нисколько не справляясь съ психикой своего героя. Къ тому же Нехлюдовъ, какъ характеризуетъ его авторъ, вполнѣ заурядная личность. Онъ былъ совершенно непроницаемъ для тѣхъ вопросовъ жизни, которые у насъ называются роковыми, — „не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ добро“, а жилъ, какъ

всѣ люди его круга, „въ недостойныхъ развлеченіяхъ и распутствѣ“. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, для насъ становится загадочнымъ поворотъ Нехлюдова къ толстовству. Правда, въ лучшіе годы своей молодости Нехлюдовъ изрѣдка почитывалъ разныя книжки, увлекался, напримѣръ, Спенсеромъ,—его соціальной статикой, а впослѣдствіи теоріей Г. Джорджа; но вѣдь эти теоріи, по моему, ничего общаго съ толстовствомъ не имѣютъ.

Очевидно, во всей исторіи Нехлюдова совершилась такая же случайность, какъ случайна была встрѣча Нехлюдова съ обманутой имъ дѣвушкой, случайна ошибка суда, и много другихъ случайностей и непонятныхъ явлений въ жизни, которыхъ авторъ какъ бы нарочно подчеркиваетъ, приводяты многихъ Нехлюдовыхъ къ толстовству, или къ благодѣтельному возрожденію для новой жизни, гдѣ нѣтъ ни судовъ, ни тюремъ, ни даже никакихъ общественныхъ союзовъ, а безусловная свобода личности, безусловное усовершенствованіе, однимъ словомъ безусловный индивидуализмъ, каковой между прочимъ проповѣдуется и въ теоріи Ницше.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, Игнатій Ивановичъ правъ, говоря, что подъ вліяніемъ разныхъ случайностей въ головѣ Нехлюдова быстро созрѣла анархическая идея, въполномъ смыслѣ этого слова, замѣтилъ Акимъ Михайловичъ, вѣдь Нехлюдовъ отрицаетъ не одни суды,—онъ вообще отрицаetъ службу, будетъ ли то государственная, или общественная. Кто, наоборотъ, службу эту считаетъ священнымъ для себя долгомъ, кто желалъ бы посвятить свои знанія и таланты на пользу общую въ роли государственного или общественного дѣятеля, тотъ, по мнѣнію Толстого, диктующаго за спиной Нехлюдова, глубоко ошибается, а подобнымъ честнымъ дѣятелямъ въ концѣ концовъ придется все же разочароваться. Ужъ на что, кажется, благіе порывы были въ душѣ молодого Селенина, этого „прекраснаго сына, вѣрнаго товарища, правдиваго, честнаго, о обязанности судьи, гдѣ онъ думалъ принести пользу, обычна, съ расчетомъ, женитьба,—заглушили въ немъ эти порывы, умертвили въ немъ живой духъ“. Въ этомъ же духѣ отрицанія относится Толстой и ко всякаго рода другой дѣятельности, связанной вообще и съ долгомъ службы. Такъ, напримѣръ, онъ выслушиваетъ либераловъ за ихъ увлеченія земствомъ, народнымъ образованіемъ. Нехлю-

довъ даже не удостоиваеть отвѣтомъ того генерала, кото-
рый вздумалъ было убѣждать его въ томъ, что „царю
нужны честные люди и отечеству“. „Ну, если бы я, говорилъ
генераль, и всѣ такъ, какъ вы, не служили бы, кто же бы
остался? Мы вотъ осуждаемъ порядки, а сами не хотимъ по-
могать правительству“.

Этотъ аргументъ старого служаки, при всей его простотѣ,
по моему мнѣнію, все-же заслуживаетъ серьезнаго обсужде-
нія, если бы его предложили сейчасъ намъ,—сказалъ Акимъ
Михайловичъ.

— Извольте, я пожалуй отвѣчу на вашу мысль,—пер-
вымъ вызвался опять блѣднолицый господинъ. Вы, конечно,
сторонникъ службы въ духѣ Селениныхъ, сторонникъ пар-
тіи нашихъ либераловъ. Толстой, вы видите, не раздѣляетъ
этихъ взглядовъ и не потому, что все „обстоитъ благопо-
лучно“, а потому, что все обстоитъ скверно. Толстой въ на-
стоящее время занятъ единственою мыслью, какъ бы испра-
вить эту скверноту нашей жизни. И послѣ долгихъ обду-
мываній и опытовъ личной жизни *убѣдился*, что никакая
служба, никакія внѣшнія преобразовательныя мѣры не
улучшать жизни, пока каждый изъ насъ не уѣзруетъ въ
себя, въ свои собственные силы, въ свой разумъ и совѣсть.
Не думайте, чтобы Толстой до всего этого дошелъ по ка-
кой-то, какъ вы сейчасъ назвали, роковой случайности.

Нѣть, ходомъ естественныхъ событій, онъ является ре-
акціей того прогрессивнаго направленія интеллигентнаго
общества, которое было воспитано въ духѣ реформъ, въ
которыхъ видѣло сущность прогресса. Это было времѧ такое,
когда и Христа принимали только за соціалиста, а Его цар-
ство Божіе понималось, какъ всемірная реформа соціального
строя на правахъ экономического равенства. Таковы въ общемъ
идеалы рассматриваемаго времени, которыми когда-то увле-
кался и Толстой, воспитанный въ духѣ тѣхъ же реформъ,
вѣрившій въ братство, въ экономической или материалисти-
ческій прогрессъ, въ науку. Что же, спрашивается, заставило
Толстого повернуть съ даннаго пути, разочароваться въ старой
вѣрѣ? Мнѣ кажется, то же, что и многихъ другихъ изъ интел-
лигентныхъ людей,—то, что и „возрожденная св. Русь“ предъ-
явила массу неразрѣшимыхъ жизненныхъ проблемъ, что

человѣческія страданія, которыхъ онъ видѣлъ въ дореформенное время, остались во всей силѣ и теперь.

Вотъ эти ненужныя человѣческія страданія Толстой между прочимъ и описываетъ въ своемъ романѣ. Съ этой цѣлью онъ и посыпаетъ своего героя въ самыя, что называются, глубины человѣческой скорби и почти однімъ взмахомъ пера возрождаетъ его изъ эгоиста, разжирѣвшаго буржуа—въ сочувствующаго и сострадательнаго толстовца. Хотя, впрочемъ, Нехлюдовъ не совсѣмъ ужъ загрубѣлый эгоистъ,—вѣдь и онъ частью принадлежалъ къ обществу „прогрессистовъ“, которые, какъ я сказалъ, симпатизировали разнымъ преобразовательнымъ начинаніямъ, защищали земства, гласность, судъ присяжныхъ и т. п. Можетъ быть, и не глубока была въ немъ эта вѣра, но онъ все же жилъ ею, какъ большинство людей его круга, не желающихъ прослыть „отсталыми“. Онъ жилъ, какъ мы видимъ, до тѣхъ поръ, пока самъ не попалъ въ присяжные, пока роковая встреча съ Масловой не произвела въ немъ душевнаго кризиса. Такого толчка Нехлюдову, по моему мнѣнію, было совершенно достаточно для того, чтобы понять свое ложное положеніе, занимаемое въ жизни, и чтобы видѣть тотъ самообманъ, въ которомъ преъбываетъ общество, думая съ помощью разныхъ палліативовъ облегчить положеніе страждущаго люда. Интересно по этому поводу послушать бесѣду Нехлюдова съ зятемъ, относительно хотя судовъ. Разговоръ, читаемъ мы въ романѣ, начался со злобы дня. Рѣчь шла о дуэлистиахъ.

— Что бы сдѣлалъ судъ (съ дуэлистами)? спросилъ Нехлюдовъ?

— Приговорилъ бы одного изъ двухъ дуэлистовъ, какъ обыкновенныхъ убийцъ, къ каторжнымъ работамъ.

У Нехлюдова опять похолодѣли руки, и онъ горячо заговорилъ.

— Ну что же бы было? спросилъ онъ.

— Было бы справедливо.

Точно какъ будто справедливость составляетъ цѣль дѣятельности суда (курс. нашъ),—сказалъ Нехлюдовъ.

— Что же другое?

— Поддержаніе сословныхъ интересовъ. Судъ, по моему, есть только орудіе для поддержанія порядка вещей, выгоднаго нашему сословію.

— Это совершенно новый взглядъ, съ спокойной улыбкой сказалъ Игнатій Никифоровичъ. — Обыкновенно суду приписывается нѣсколько другое значеніе.

— „Да именно, новая точка зрењія,—отдѣлилось вдругъ два—три голоса изъ компаніи,—мы думали, что въ правотѣ, милости и т. п. должна быть цѣль нашихъ судовъ,—по Толстому оказывается, что суды имѣютъ свою исключительную цѣль—цѣль поддержанія сословныхъ интересовъ. „То есть, какъ же это такъ выходитъ?“—подумаетъ читатель. „А очень просто, отвѣчаетъ Толстой, суды „казнить“ тѣхъ, которые стоять выше общественаго уровня и хотять поднять его“. Да вѣдь такихъ идеиныхъ преступниковъ немного, которые, если согласиться съ вами, угрожаютъ подорвать сословные интересы,—скажетъ читатель,—большинство крадутъ, убиваютъ безъ всякой идеи, не причиняя ни малѣйшаго вреда сословности: кроме вреда той темной массы, изъ которой они вышли и гдѣ совершаютъ свои преступленія. Послѣднихъ опять „казнить“ судъ, чѣмъ и выражаетъ свое безпристрастіе, свою законную правду.

— Нѣтъ, не казнить нужно этихъ несчастныхъ людей, сказалъ блѣднолицый господинъ,—а просвѣщать,—нужно просвѣтить массу, чтобы предупредить преступленія.

— Это *ваше мнѣніе?*—Но не забывайте, что Толстой не раздѣляетъ такихъ мнѣній: ко всякимъ преобразованіямъ, въ томъ числѣ и тюремъ, онъ относится отрицательно. „Нельзя исправить недостатки судовъ, возвышая голосъ, говорилъ Нехлюдовъ“,—читаемъ въ романѣ.

— Такъ что-жъ? надо убивать или, какъ одинъ государственный человѣкъ предлагалъ, выкалывать глаза?

— Да это было бы жестоко, но цѣлесообразно. То же, что теперь дѣлается, и жестоко, и не цѣлесообразно.

— Позвольте однако замѣтить,—сказалъ Игнатій Ивановичъ,—если цѣль судовъ—поддержаніе сословныхъ интересовъ, и если судами послѣдніе, дѣйствительно, поддерживаются, то цѣль достигнута. Толстому здѣсь не мѣшало бы сдѣлать оговорку, что онъ думаетъ по поводу цѣлесообразности вообще и въ частности судовъ.

— Толстой не дѣлаетъ оговорки потому, конечно,—сказалъ блѣднолицый господинъ,—что онъ вѣдь не философский

трактать пишеть, а романъ; съ другой стороны, слово „цѣлесообразность“ понятно всякому непредубѣжденному читателю.

— Напримѣръ, вы какъ его поняли?

— По моему, цѣлесообразно то, что справедливо, къ чему и должны стремиться „суды праведные“. Исходя изъ этого положенія, нельзя не согласиться съ Толстымъ, что поступокъ прокурора, который „всѣми силами старался обвинить несчастнаго мальчика“, былъ въ высшей степени несправедливъ.

— А милосердіе судовъ вы не исключаете изъ законовъ? спросилъ Игнатій Ивановичъ.

— Нѣть.

— Въ такомъ случаѣ, къ какому разряду „цѣлесообразностей“ должны быть отнесены дѣйствія старыхъ прокуроровъ, которые подобныхъ преступниковъ осуждали бы на казнь? Я хочу сказать, гдѣ больше справедливости,—на сторонѣ ли старыхъ судовъ, которые, не входя въ детальныя обслѣдованія преступленій, часто казнили совершенно невинныхъ людей, или на сторонѣ новыхъ, которые, какъ извѣстно, принимаютъ во вниманіе всѣ мельчайшія условія жизни преступниковъ, какъ-то: среду, наследственность и и тому подобныя данныя, могущія облегчить тяжесть наказанія.

— Къ сожалѣнію, я опять принужденъ повторить вслѣдъ за Нехлюдовымъ, что на сторонѣ первыхъ больше справедливости и даже на сторонѣ средневѣковыхъ судей, которые, сознавая свое бессиліе добиться правды, поручали тяжущихся „суду Божьему“. Несправедливость современныхъ судовъ тѣмъ особенно преступна, что мы дѣйствительно знакомы со всевозможными высокими теоріями справедливости и милости, о чемъ древніе не имѣли понятія,—мы знакомы, но не дѣлаемъ по теоріи, не приближаемся никаколько къ идеалу справедливости. Мы всѣ знаемъ, напримѣръ, что общество, среда, въ которой мы живемъ, семья, которая насъ воспитываетъ, есть для каждого изъ насъ въ своемъ родѣ деспотъ. Общество рождаетъ преступленія и преступниковъ, среда наиболѣе опасна для такихъ лицъ, кои слабы духомъ, не окрѣпли въ добрѣ, какъ тотъ мальчикъ, котораго „посадили въ тюрьму“, котораго „судили, какъ опасное существо, отъ котораго надо оградить общество“. Въ самомъ дѣлѣ, какой

величайший абсурдъ, и какимъ горькимъ для насть укоромъ служать подобныя разсужденія Нехлюдова: „они опасны, говорить онъ, а мы не опасны“. Мы, мнимо-добродѣтельные, обезпеченные люди, доведшіе молодого человѣка до воровства,— мы, конечно, въ тысячу разъ опаснѣе несчастнаго мальчугана. Ужъ если во имя справедливости должно наказывать за преступленія, то, по крайней мѣрѣ, не дѣтей, а взрослыхъ, идущихъ безъ нужды на преступленія.

Блѣднолицый господинъ былъ въ сильномъ волненіи; лицо его пылало яркимъ румянцемъ, но онъ сдерживалъ себя; вездѣ говорилъ, не повышая тона.

— Извините, но я опять ни Толстого, ни васъ не пойму,— противъ чего или противъ кого вы ратуете? Противъ-ли существующихъ законовъ судопроизводства, охраняющихъ общество отъ порочныхъ членовъ, или противъ самихъ судей, противъ, наконецъ, аристократовъ этого общества, изъ которыхъ каждый будто-бы, если вѣрить Толстому, „распутникъ и обманщикъ“?

— Само собою разумѣется, противъ судей, создавшихъ никому ненужные законы для увеличенія человѣческихъ страданій.

— Что касается судей, то съ нѣкоторыми оговорками еще можно согласиться, но о законахъ рѣчь другая. Законы, какъ мы ужъ раньше говорили, имѣютъ цѣлью оградить общество отъ вліянія зла; законами осуждаются и наказываются человѣческие пороки и преступленія, и главнымъ образомъ законами нравственными.

Рѣшай практическі вопросъ, Толстой, противорѣча себѣ, принужденъ былъ сказать, что данные законы жизни какъ-бы опередили дѣйствія людей. Напримѣръ, съ точки зренія законовъ суды считаются „важнымъ священнымъ дѣломъ“,— религія учить, что суды, облеченные властью судить, получили эту власть отъ Бога и потому должны судить „по всей правдѣ“, безъ лицепріятія, по идеалу Высшей Правды. На судахъ установлена клятва, или присяга, въ силу опять важности вручаемаго дѣла, въ силу того, что всѣ участвующіе здѣсь это дѣло дѣлаютъ предъ Лицомъ Невидимаго Судіи, Которому они впослѣдствіи должны отдать отчетъ—въ клеветѣ, въ небрежности, въ особенности въ обвиненіи невиннаго.

Толстой, какъ извѣстно, клятвы не признаетъ, считаетъ ее противохристіанскимъ дѣйствіемъ, ссылаясь на слова Христа „не клянитесь всяко“. Насколько это вѣрно истолковываетъ Толстой вмѣстѣ съ другими сектами эти слова Спасителя,—вопросъ требуетъ особаго обсужденія, что уклонило бы насть отъ главной темы бесѣды, хотя, впрочемъ, попутно замѣчу, что клятва на судѣ допущена только потому, что люди способны погрѣшать въ правдѣ. Въ обыкновенныхъ, житейскихъ мелочахъ у насть, напр., сказать „невинную ложь“ не считается грѣхомъ, у многихъ входить даже это въ привычку; точно также за ничто идетъ дать слово и не сдержать.

И вотъ пока эта „невинная“ ложь касается лично только насть, то, разумѣется, мы бываемъ отвѣтственны за нее только предъ голосомъ своей совѣсти; но въ дѣлахъ общественныхъ, явныхъ, внутрення велѣнія совѣсти оказываются недостаточны, — нужны внѣшнія воздействиа на нее со стороны религіи въ видѣ клятвы. Безспорно, клятва для людей, невѣрующихъ въ нее, пожалуй, недѣйствительна, но она имѣть страшную силу въ глазахъ вѣрующаго. Такой человѣкъ можетъ простить себѣ ложь въ обыденной жизни, но тутъ, на судахъ, предъ Лицомъ Бога, онъ непремѣнно скажетъ правду¹⁾. Вотъ цѣль клятвы на судахъ. И однако изъ романа мы видимъ, что даже присяжные,—это голосъ общественной совѣсти,—для которыхъ духъ закона, казалось бы, долженъ быть выше всякихъ формальностей, и тѣ совершенно индифферентно отнеслись какъ къ клятвѣ, такъ и къ участии подсудимой, несмотря на то, что предсѣдатель не разъ напоминалъ имъ (соблюдая, конечно, формальности дѣла) о томъ, чтобы они приговоръ свой о виновности или невинности подсудимой составили „разумно“, по совѣсти. „Предсѣдатель, говорить авторъ, нашелъ нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ о важности того права, которое дано присяжнымъ, и о томъ, какъ они должны со вниманиемъ и осторожностью пользоваться этимъ правомъ и не злоупотреблять имъ, о томъ, что они принимали присягу, что они—

¹⁾ Въ судейскихъ хроникахъ зачастую бываетъ, что показанія свидѣтелей на предварительныхъ слѣдствіяхъ совершенно расходятся съ показаніями тѣхъ же свидѣтелей, данными подъ присягой.

совѣсть общества, и что тайна совѣщательной комнаты должна быть священна и т. д.“.

Предсѣдатель ѣтимъ напоминаніемъ о совѣсти и клятвѣ, высказываетъ, между прочимъ, такую мысль, что человѣческое правосудіе имѣть силу лишь при свѣтѣ правды Божіей, дѣйствующей на нашу совѣсть, на наше незатемненное сознаніе.

Въ противномъ случаѣ законъ обращается въ мертвую букву. Но гдѣ же она—эта возвеличиваемая Толстымъ совѣсть наша? Гдѣ „разумность“, стремящаяся къ правдѣ? Молчать и то, и другое у людей, собравшихся судить по правдѣ, и потому-то совершилась роковая ошибка суда, которой бы не должно было быть, если бы люди судили по совѣсти. Спрашивается, кто-жъ виноватъ—судѣ, законъ, какъ идея правосудія, или людская совѣсть, затемненный разумъ судей, не вѣрующихъ ни въ важность закона, ни въ важность клятвы на судѣ?

— Я бы сказалъ опять,—продолжалъ блѣднолицый господинъ, что виноваты люди, но это было бы не совсѣмъ вѣрно, виноваты здѣсь, т. е. во всѣхъ нашихъ роковыхъ ошибкахъ, главнымъ образомъ нелѣпья условія жизни, на почвѣ которыхъ и плодятся тѣ „ужасные“ преступники, вродѣ, напр., Масловой или несчастнаго паренька, попавшагося съ коврами, а равно и судьи, продавшіе свою совѣсть за животнныя блага, за власть, комфорть и проч. „Ясно, говорить Толстой, для того, чтобы не было такихъ мальчиковъ, нужно постараться уничтожить тѣ условія, при которыхъ образуются такія несчастныя существа“. А уничтожить данныхъ условія жизни иначе нельзя, какъ только если мы не будемъ принимать участіе во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, которыя мы считаемъ „важными и хорошими“, проще сказать, когда мы не будемъ служить. Это, по моему будетъ однимъ изъ сильныхъ толчковъ къ прогрессу. Освободите себя отъ разныхъ путь, налагаемыхъ на насъ государствомъ, тяжесть которыхъ мы начинаемъ уже чувствовать, и жизнь пойдетъ по своему естественному руслу развитія.

— Противъ вашихъ оптимистическихъ воззрѣній съ Толстымъ я долженъ сказать слѣдующее: для людей съ слабой совѣстью и съ смутнымъ понятіемъ о „смыслѣ жизни“ отказъ

отъ службы не будетъ имѣть существенаго значенія, не улучшить ихъ самихъ; скорѣе можно предполагать, что та-
кіе люди создадутъ новыя условія жизни, несравненно тя-
желѣ настоящихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если согласиться съ
вами, что тотъ или другой строй жизни созидаются людьми,
безъ участія промыслительной дѣятельности Творца, и сози-
дается онъ, повидимому, людьми властолюбивыми въ свое-
корыстныхъ разсчетахъ, само собою понятно, если въ нихъ
эта страсть въ корнѣ не уничтожится, наклонность къ грѣху
будетъ тяготѣть,—то откуда же они возьмутъ производи-
тельную силу добра, чтобы водворить свободныя братскія
взаимоотношенія?

— Вопросъ о водвореніи свободныхъ братскихъ отношеній
между людьми,—сказалъ блѣднолицій господинъ,—кажется
вамъ неразрѣшимъ потому лишь, что вы упорно держитесь
своего взгляда на законы царящаго въ мірѣ зла, для уничто-
женія или ослабленія какового будто бы необходимы извѣстныя
сдерживающія начала въ видѣ церковной дисциплины и госу-
дарственныхъ репрессій, т. е. должна быть извѣстнаго рода
узда. Все это чистѣйшая выдумка: Толстой страшно вѣритъ
въ силу добра; онъ думаетъ, что люди болѣе добры, чѣмъ
злы, зло что-то призрачное, созданное нашимъ болѣніемъ
воображеніемъ. Въ дѣйствительности, по мѣрѣ того, какъ
мы освободимъ себя отъ подобной иллюзіи, зло не будетъ
имѣть рокового значенія для людей.

— Однако изъ романа этого не видать, чтобы зло было
призрачно въ жизни людей. Напротивъ, при описаніи мрач-
ной стороны послѣдней, Толстой убѣждаетъ насъ въ томъ, что
зло дѣйствительно царитъ въ мірѣ, и что поэтому на наши
добрья наклонности приходится полагаться съ крайней
осторожностью. Въ особенности рѣзко подчеркивается Тол-
стой послѣднее, когда разсуждается о совѣсти и разумѣ,—
этихъ, по его мнѣнію, источникахъ добра.

„Обыкновенно думаютъ,—пишетъ Толстой въ разсматривае-
момъ нами романѣ,—что воръ или убийца, признавая свою
профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Происходитъ об-
ратное. Люди, судьбою и своими грѣхами и ошибками по-
ставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было
правильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь
вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ

хорошимъ и уважительнымъ“. Или выше читаемъ: „Всякому человѣку для того, чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непремѣнно составить себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему важною и хорошею“ (166 стр.).

Значитъ, не совѣсть руководить поведеніемъ человѣка, не совѣсть вмѣняетъ субъекту совершенные противъ нея преступки, а общественное положеніе, занимаемое человѣкомъ. Это ужъ совершенно новая точка зрѣнія даже и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о степеняхъ развитія совѣсти у человѣка и при этомъ приводилась бы въ указаніе жизнь дикаря, у котораго совѣсть находится на самой низкой степени, который считаетъ хорошими поступки, по нашему понятію (при оцѣнкѣ совѣсти) глубоко безиравгственныя, а равно, если бы имѣлась въ виду мертвая или сожженая совѣсть, каковая бываетъ у закоренѣлыхъ преступниковъ. Но вѣдь Толстой толкуетъ вообще о совѣсти человѣка,—о совѣсти судіи, тюремщика, блудника, убийцы и т. д.; онъ говорить о совѣсти христіанина, возстановленной благодатью крещенія, совѣсти значительно болѣе развитой, чѣмъ совѣсть дикаря. И что же оказывается: совѣсть эта настолько эластична, что легко приспособляется ко всевозможнымъ условіямъ жизни человѣка и даже контролируется этими послѣдними. Естественно, что при такомъ взглядѣ на совѣсть, люди извѣстнаго круга не только могутъ держаться своихъ преступныхъ профессій,ничтоже сумняся, но еще считать ихъ „важными и хорошими“. Хорошо воровать, разбойнику убивать, хорошо судѣй или чиновнику взятки братъ.

Наше, слѣдовательно, установленное вѣками понятіе о совѣсти совершенно неприложимо въ данномъ случаѣ, и такие моменты дѣйствія послѣдней, какъ „проснувшаяся совѣсть“, „мучительный голосъ совѣсти“ раскаявшагося преступника, по Толстому, не должны имѣть существеннаго значенія. Остается только добавить, что совѣсть есть одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ человѣчества, которые, вмѣстѣ съ религіею, должны пасть впослѣдствіи, расшатанные наукой и просвѣщеніемъ, какъ думаютъ объ этомъ позитивисты.

— Толстой не можетъ этого думать, Игн. Ив., коль скоро пробужденіе совѣсти въ Нехлюдовѣ послужило поворотнымъ пунктомъ въ направленіи всей остальной его дѣятельности. Кромѣ того на совѣсти, при указаніи разума, Толстой, какъ видно, и желалъ бы обусловить новую жизнь, откликшись отъ старыхъ условій, развитыхъ на почвѣ закона, принудительныхъ и стѣснительныхъ для совѣсти.

— Другими словами, на полной анархії? На безусловной свободѣ личности, даже въ нравственныхъ ея чувствахъ? — сказалъ Игн. Ив.

— Я вѣсъ не понимаю, — заволновался въ свою очередь блѣднолицій господинъ. Толстой проповѣдуетъ о подчиненіи воли человѣка волѣ Божіей, а если для вѣса необходима еще узда, такъ слѣдуйте христіанскому учению, слѣдуйте Тому, Кто исполнялъ волю Бога.

— Прекрасно, но вѣдь учение Христа налагаетъ все же извѣстное бремя на людей. Для вѣрующихъ оно есть тотъ же законъ, требующій безусловнаго подчиненія. Оно есть „путь, истина и жизнь“, какъ сказалъ о себѣ Христосъ, — спасающей и возрождающей человѣка къ новой благодатной жизни. Человѣкъ, какъ несовершенное существо, способенъ уклоняться отъ своего естественнаго закона — велѣнія совѣсти, причемъ въ его ограниченномъ сознаніи могутъ развиваться совершенно ложныя, превратныя представленія о жизни. И вотъ, чтобы предупредить человѣка отъ этихъ превратностей и чтобы сдѣлать его совѣсть живою, одобряющею въ благихъ поступкахъ и укоряющею за дурные, — Богъ далъ человѣку законъ въ видѣ откровенія. Законъ или заповѣди, — Божіи велѣнія, данныя для нашего руководства въ жизни. Лишь при свѣтѣ закона человѣкъ можетъ знать, какие его поступки важны и хороши, а какие, напротивъ, дурны. Самъ собою человѣкъ оцѣнивать ихъ не можетъ. Оцѣнка совѣсти, исключительно опирающаяся на нее, приводитъ къ страшнымъ заблужденіямъ. Относительно законовъ или заповѣдей Божіихъ, данныхъ для нашего руководства въ жизни, мы, между прочимъ, можемъ вынести поучительный для себя урокъ изъ слѣдующаго евангельского повѣствованія. Когда одинъ богатый юноша спросилъ Христа, что ему нужно дѣлать для того, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную, Господь вѣдь не сказалъ ему: слушайся голоса своей совѣсти, живи

по указаніямъ своего разума,—нѣть, а обратилъ его вниманіе на исполненіе заповѣдей Божіихъ. «Сія вся сохранихъ отъ юности моей»,—отвѣтилъ искренно юноша. И Господь возлюбилъ его за эту искренность. Но юноша просилъ большою у Небеснаго Учителя,—просилъ указать ему идеальную жизни, котораго еще не вѣдалъ подзаконный народъ. «А если хочешь быть совершенъ, — говорить Спаситель юношѣ,—иди, продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ и иди вслѣдъ Мене», т. е. возьми крестъ, чтобы имѣть сокровище на небеси.

— Но представьте себѣ, — сказалъ Влад. Ник., что для нась современныя вѣшнія условія жизни—то же, что для евангельского богача богатство, преграждающее ему путь ко спасенію. Толстой такъ и думаетъ и потому-то говоритъ, что если мы не порвемъ связи съ данными условіями жизни, то закабалимъ себя въ рабство «грѣхамъ и ошибкамъ». И дѣйствительно, на чёмъ виждутся интересы нашей жизни, какъ не на томъ, что составляеть благо животной личности, что относится къ служенію мамонѣ. Заѣдаетъ и поглощаетъ нась «общество», которое въ видѣ неумолимаго деспота тяготѣеть надъ «человѣкомъ общества», заѣдаетъ бездушный формализмъ, который преимущественно царитъ надъ служилыми людьми; заѣдаетъ нась вѣшній лоскъ и свѣтское приличie, замѣнившее прямоту и искренность; заѣдаются чины и ранги, сдѣлавшіеся выѣскою порядочнаго человѣка; заѣдаетъ карьеризмъ, проникшій даже въ педагогику, даже духовенство заботится не о погибающихъ въ невѣжествѣ, а бредить наградами — камилавками и крестами; заѣдаетъ нажива, погоня за рублемъ,—вотъ идеалы, лучше сказать, грѣхи нашего времени, въ которыхъ не можетъ не задыхаться мало-мальски чуткая человѣческая душа, и съ которыми разорвалъ разумно связь кн. Нехлюдовъ, отдавшись всецѣло новой идеѣ—служенія людямъ.

— Положимъ разорвать связи съ нашими несовершенными вѣшними условіями жизни, вродѣ того, что не служить нигдѣ, не принимать участія въ усовершенствованіи данныхъ условій жизни,—еще не столь трудно, улыбаясь, говорилъ Андрей Петровичъ, мужчина лѣтъ 38, до сего момента лишь наблюдавшій за ходомъ преній. Въ особенности легко для человѣка, незнакомаго ни съ какимъ серьезнѣмъ

дѣломъ, какъ кн. Нехлюдовъ, весь интересъ жизни котораго сосредоточивался въ пустыхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ; напротивъ, для такого человѣка весьма трудно приняться за настоящее дѣло, опредѣлить свое истинное назначеніе въ жизни. Фраза, брошенная вами, Вл. Ник., насчетъ служенія людямъ, фразой и останется, коль скоро человѣкъ не знаетъ, что ему предпринять потомъ, «куда идти? Жить ли своимъ трудомъ, т. е. сѣсть на землю, или примкнуть къ какой-нибудь землемѣльческой колоніи?

— Оказывается, что ни того, ни другого сдѣлать не удалось,—замѣтила вторая курсистка, а не удалось потому, что ужъ болѣе крѣпко вросли въ насъ корни барства, привычка жить на чужой счетъ,—на счетъ народа.

— Я нахожу ваше замѣчаніе довольно удачнымъ; дѣйствительно, барства много въ Нехлюдовѣ. Чувство самодовольства, любоваться своими поступками и считать ихъ хорошими—это черта не смиренного простолюдина, знакомаго со всевозможными лишеніями въ жизни, это чисто барская черта, это духовная гордость—возвеличеніе себя передъ другими. Этимъ же отчасти объясняется и оптимизмъ толстовской морали.

Человѣку, вкушившему доступныя ему блага жизни и неизвестному съ нуждами ея, легко заключить, что жизнь дана намъ для радостей. Идея креста, борьбы со страстями, сознаніе грѣховности своей природы—отсюда глубочайшее смиреніе у этихъ лицъ обыкновенно только на умственныхъ счетахъ значится и рѣшается всегда въ примирительномъ духѣ, чтобы, такъ сказать, не портить хорошаго радостнаго настроенія. Отсюда понятно, почему для Толстого пріятнѣе, что человѣкъ „чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ“ и т. д. Точно также пріятно сказать ему, что „природа (красота міра Божія) дана намъ для блага всѣхъ людей,—красота располагаетъ къ миру, согласію и любви“. Все это, повторяемъ, пріятно, и даже, пожалуй, выгодно для Толстого утѣшать читателя въ сладкихъ грезахъ о жизни, въ какихъ пребываютъ невинныя дѣти. Но только все это, отлично мы знаемъ, далеко отъ дѣйствительности: въ дѣйствительности, напротивъ, гораздо меныше радости, чѣмъ горя, меныше удачъ, чѣмъ неудачъ, меныше хорошихъ нашихъ дѣйствій,

чѣмъ дурныхъ и т. д., что же касается природы, то и въ нее, по толкованію св. отцевъ, вторгся грѣхъ человѣческій и произвелъ всякия нестроенія. Такъ, вражда, свойственная людямъ, „живущимъ страстью и похотью“,—не чужда и неразумнымъ тварямъ. Уже на самой низкой ступени животной жизни идетъ безпощадное истребленіе сильнѣйшими слабыхъ. Въ болѣе высшихъ существахъ практикуется нѣчто вродѣ систематическихъ войнъ для истребленія въ массѣ себѣ подобныхъ.

Грозныя явленія природы по временамъ сопровождаются страшными бѣствіями для людей, въ видѣ засухи, голодовокъ и мора.

Если солнце признается источникомъ органической жизни, то съ другой стороны оно же служить и причиной смерти, убивая тьмы живыхъ существъ своими жгучими лучами и изсушая влагу. Самъ же Толстой приводить нѣсколько случаевъ смерти арестантовъ отъ солнечнаго удара.

Изъ всего сказаннаго нами видно, насколько одностороненъ взглядъ Толстого на природу: въ природѣ нѣть полнаго мира.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ идея мира является настоящая англо-трансваальская война! А равно, какъ далекъ отъ мира современный милитаризмъ Германіи! Можетъ быть внутреннее состояніе общества болѣе мирно настроено. Увы! въ томъ же романѣ Толстого мы встрѣчаемъ противорѣчія этому на каждой страницѣ. Вотъ и извольте при этихъ данныхъ жизни лелѣять розовыя мечты, предаваться непонятнымъ восторгамъ радости, какъ это дѣлаетъ Нехлюдовъ.

— А по моему лучше безпричинно радоваться („непререстанно радуйтесь“, говорить ап. Павель), чѣмъ впадать въ уныніе и хандриТЬ, чѣмъ пребывать въ томъ пессимистическомъ настроеніи, которое переживаетъ въ настоящее время интеллигентное общество, разнервничавшееся до крайней степени. Толстой, какъ художникъ, уже давно познакомилъ насъ съ этой странной болѣзнью, имя которой *упадокъ духа*. Болѣзнь эта тѣмъ особенно вредна, что она многихъ впечатлительныхъ личностей, утратившихъ вѣру, привела къ самоубійству. Толстой и самъ когда-то былъ на пути къ самоубійству. Переживъ благополучно опасный для себя

кризисъ и оглядываясь назадъ, онъ, конечно, не можетъ не жалѣть малодушныхъ людей; онъ глубоко скорбить о всемъ, такъ сказать, строѣ нашей мысли и дѣятельности. Къ тому жъ послѣдняя, будучи не въ силахъ, какъ было выше замѣчено, облагодѣтельствовать человѣчество путемъ разныхъ реформъ, путемъ экономического подъема, путемъ распространенія естественно-научныхъ знаній, какъ бы атро-фировалась,—получилась извѣстная реакція, упадокъ духа. Толстой, какъ реформаторъ, указываетъ совершенно новые пути жизни, хотя ужъ извѣстные людямъ почти 2000 лѣтъ назадъ,—это возвратъ къ христіанству, исканіе правды Божіей прежде всего. Христіанство одно способно вдохнуть энергію въ разслабленную нашу мысль и нашу дѣятельность. Для Нехлюдова, какъ представителя извѣстнаго об-щества, то „воскресеніе“ тѣмъ болѣе должно быть знаме-нательнымъ событиемъ въ его жизни, что онъ прежде не вѣрилъ ни въ добро, ни въ правду, и вдругъ попалъ на слѣдъ истины—позналъ Бога. Въ немъ проснулся духовный человѣкъ съ присущими ему чисто духовными радостями, и Нехлюдовъ возрадовался, какъ приведенный въ Еван-геліи купецъ, обрѣтшій драгоценную жемчужину, кото-рую отчаялся найти, какъ блудный сынъ, возвратившійся послѣ долгихъ мытарствъ порочной жизни подъ кровъ лю-бящаго отца; онъ, наконецъ, возрадовался вообще, какъ вся-кій идеальный человѣкъ, взлѣтавшій свою идею съ болью въ сердцѣ. Отсюда всѣ дѣятельности Нехлюдова сопровождаются чувствомъ какъ бы непрерывной радости.

— Много же, однако, вы приписываете Нехлюдову,—ска-залъ Игнатій Ивановичъ,—но собственно нечemu особенно радоваться, такъ какъ изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Нехлю-дова, вполнѣ заурядныхъ, не видать, чтобы онъ или Толстой, указали міру, какъ вы думаете, какие-то новые пути жизни. Посмотримъ все же на эту дѣятельность, или какъ Толстой любить называть, „дѣло жизни“.

Дѣятельность свою Нехлюдовъ началъ проявлять, какъ мы знаемъ, съ того момента, когда съ нимъ произошелъ „благодѣтельный кризисъ“, т. е. когда онъ убѣдился (?), что суды, тюрмы— зло, что служить, гдѣ бы то ни было,—зна-читъ участвовать въ общемъ насилиі. Дѣятельность эта на-чалась съ его ходатайства за „отверженныхъ“ предъ силь-

ными міра сего, предъ людьми, строго охраняющими со- словные интересы, и для которыхъ „служба“ особенно до- рога и выгодна.

Читатель, привыкшій ждать новыхъ словъ и новыхъ дѣлъ отъ всѣхъ извѣстныхъ ему героевъ, разумѣется, раз- считывалъ, что и Нехлюдовъ, какъ прозелить, станеть разви- вать среди своего круга эти новыя идеи; но разсчетъ чи- тателя оказался невѣрель: Нехлюдовъ смотритъ съ высоты своего нравственного превосходства на общество, не желаетъ расточать бисера предъ людьми, погибшими въ кастовыхъ предразсудкахъ.

Въ чемъ же, однако, выражается нравственное превосход- ство Нехлюдова предъ послѣдними? Въ томъ, что онъ, какъ человѣкъ богатый, пожертвовалъ своимъ кошелькомъ и на- нялъ ловкаго адвоката для защиты подсудимой Масловой. Адвокатъ этотъ, по отзывамъ присяжныхъ, можетъ все сдѣ- лать: и черное обѣлить, и бѣлое очернить,—человѣкъ, слѣ- довательно, съ низкимъ уровнемъ нравственности. Ясно, что Нехлюдовъ въ этомъ случаѣ ничѣмъ не выдѣлялся изъ своей братіи богатыхъ вліятельныхъ людей; напротивъ, онъ съ ними совершенно слился, въ особенности, когда приѣх- нулъ къ всесильной протекціи,—къ помощи кузинъ, тету- шекъ. Положимъ, все это дѣлаѣтъ Нехлюдовъ, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ, но дѣлаетъ не прямымъ, от- крытымъ, честнымъ путемъ нравственного вліянія на лицъ своей среды, путемъ убѣжденія и т. под.

Нѣть, подумаетъ читатель, Нехлюдовъ—не новый чело- вѣкъ. Онъ не можетъ служить образцомъ идейной моло- дежи, которая восторгается прямотой и искренностью всѣхъ излюбленныхъ ея героевъ. Кому въ самомъ дѣлѣ изъ по- слѣднихъ можно уподобить Нехлюдова. Рѣшительно никому. Онъ не произносить пылкихъ обличительныхъ рѣчей, какъ Чапкій, напр., вызывающей этими рѣчами большое смущеніе въ обществѣ. Онъ не блестить краснорѣчіемъ, какъ Рудинъ, заставляющій юныхъ слушателей переживать сильныя волненія подъ впечатлѣніемъ новыхъ, хотя и неопределенныхъ, рождающихся идей. Онъ не находить себѣ поклонниковъ, какъ Базаровъ, или какъ Райскій, у которыхъ подобныя идеи вылились въ болѣе конкретныя, чѣмъ у первого, формы. Нѣть, Нехлюдовъ, скажетъ читатель, посредственная лич-

пость, шаблонный герой. Своимъ разглагольствованіемъ о „страданіяхъ“ онъ подчасъ наводить зѣвоту на веселое общество, портить аппетитъ гастрономовъ. Одна лишь Маріетта изъ кокетства продѣлываетъ съ нимъ комедію. Всѣ же остальные отнеслись къ его новому міровоззрѣнію даже какъ бы съ сожалѣніемъ и вовсе не придавали его проповѣди того важнаго значенія, которое приписываютъ ей самъ авторъ, видя въ передѣланной имъ христіанской морали толчокъ къ возрожденію общества отъ „грѣховъ- ошибокъ“.

Вотъ первый дебютъ Нехлюдова въ роли новатора толстовскаго ученія. Но всего интереснѣе, насколько ему удается приложить къ жизни это ученіе въ дальнѣйшей своей дѣятельности.

Мы ужъ видѣли, что по означенному ученію Нехлюдовъ не признаетъ никакого смысла въ наказаніи преступниковъ, хотя бы мѣрами лишенія ихъ свободы совершать преступленія. Онъ мотивируетъ свой взглядъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, что многіе изъ преступниковъ не суть порочные члены, какими считаетъ ихъ общество,— многіе изъ нихъ даже выше самихъ судей; во-вторыхъ, многіе осуждаются невинно, и въ третьихъ, есть люди, „воспитывавшіеся въ извѣстной средѣ, гдѣ совершаляемые ими поступки не считаются преступленіями“, словомъ, нѣть преступниковъ, а есть только, пожалуй, ненормальная личности, въ ненормальности которыхъ виновато само общество, и, слѣдовательно, лишать такихъ свободы, дѣло несправедливое и потому нежелательное. Такъ это значится на умственныхъ счетахъ Нехлюдова; но въ дѣйствительности у того же Нехлюдова значится иначе: въ дѣйствительности у него преступники и есть преступники, порочные члены общества. И онъ поэтому старался положеніе Масловой устроить такъ, чтобы оградить ее отъ дурныхъ вліяній развращенныхъ каторжниковъ, съ этой цѣлью онъ сблизилъ ее съ лучшими изъ приговоренныхъ къ ссылкѣ, главнымъ образомъ, съ невинно осужденными. Во-вторыхъ, онъ ввелъ ее въ общество совершенно невинныхъ младенцевъ. Нечего говорить, насколько важно въ нравственномъ отношеніи для Масловой было это сообщество дѣтей. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что Маслова, вслѣдствіе разныхъ интригъ, лишилась потомъ своего мѣста больничной сидѣлки. Тогда Нехлюдовъ исходатайствовать позволеніе

причислить Маслову къ кружку политическихъ ссыльныхъ, которые, по образованію и по нравственнымъ качествамъ, съ точки зрења Нехлюдова, «были выше самихъ судей» и занимали привилегированное положеніе въ тюрьмѣ.

Всѣ эти мѣры, конечно, дѣлаютъ честь воспитательнымъ способностямъ Нехлюдова; но въ общемъ онъ противорѣчать созданной имъ на умственныхъ счетахъ теоріи жизни.

— Я не вижу никакого противорѣчія въ дѣйствіяхъ Нехлюдова,—сказалъ блѣднолицій господинъ.—Разъ онъ признаетъ, что въ преступленіяхъ «отверженныхъ» виновато общество, то отчего-жъ въ самомъ дѣлѣ не создать для несчастныхъ новую среду. Нехлюдовъ такъ и дѣлаетъ, когда вводить Маслову въ среду болѣе или менѣе здоровыхъ людей.

— Это ужъ другой вопросъ, Андрей Михайловичъ, чѣмъ должна быть тюрьма, чѣмъ общество въ отношеніи названныхъ преступниковъ, вопросъ этотъ не касается нашего обсужденія, да не думаю, чтобы и Нехлюдовъ имѣлъ его въ виду въ данномъ случаѣ. Онъ просто дѣлалъ то, что дѣлали до него люди и что будутъ дѣлать. Онъ желалъ оградить Маслову отъ развратающаго вліянія порочныхъ людей; такъ и должно быть по логикѣ здраваго смысла; онъ желалъ вліянія на нее оздоравляющаго труда—и подыскалъ этотъ трудъ.—Что-жъ, значить, новаго сдѣлалъ Нехлюдовъ?

— По моему все старое,—отвѣтилъ кто-то изъ компаний. Что тюрьмы развращаютъ преступниковъ, т. е. юне тюрьмы, а среда болѣе развращенныхъ преступниковъ развращаетъ менѣе развращенныхъ, и что преступники развращаютъ другъ друга,—объ этомъ писалось давно, это можете знать по известнымъ „запискамъ изъ мертваго дома“ Достоевскаго. А равно нѣть ничего новаго въ томъ, что тюрьмы должны представлять собою родъ исправительныхъ заведеній, въ которыхъ преступники нравственно дисциплинировались бы. Однако по Толстому оказывается, что подобные институты невозможны. «Усовершенствованіе тюремъ, говорить онъ, стоило бы дороже того, что тратится на народное образование», это ужъ, дѣйствительно, ново, хотя опять въ теоріи. На практикѣ же Нехлюдовъ и здѣсь погрѣшаетъ или совершенно путается, не зная, какъ выйти изъ противорѣчій

прочитанныхъ имъ теорій. Нужно замѣтить, что Нехлюдовъ вообще былъ склоненъ дѣйствовать быстро, подъ впечатлѣніемъ разныхъ теорій, въ суть которыхъ, повидимому, онъ мало вникалъ. А потому и впадалъ въ разные курьезы, какъ, напр., это вышло, когда онъ вздумалъ проповѣдывать мужикамъ теорію Г. Джорджа, вздумалъ на основаніи этой теоріи устроить нѣчто вродѣ земельной общинѣ. Но попытка его оказалась весьма неудачна.

— Да, Нехлюдовъ въ этомъ отношеніи слишкомъ поспѣшилъ,—замѣтилъ студентъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, предъ безграмотными мужиками пускаться въ разъясненія какихъ бы то ни было современныхъ теорій, которыхъ у насъ столько, что и по названіямъ трудно перечесть. Кромѣ того Нехлюдовъ отступалъ отъ данной теоріи, думая примѣнить ее на частномъ случаѣ. Собственно говоря, какъ я понимаю, Г. Джорджъ является однимъ изъ сильныхъ сторонниковъ государственности, тогда какъ Нехлюдовъ по своимъ воззрѣніямъ анархистъ, врагъ всякихъ общественныхъ союзовъ и коопераций. Г. Джорджъ проповѣдуетъ націонализацию земли, что само собою предполагаетъ тотъ или другой государственный строй жизни. Землю онъ ставить собственностью государства, и только при этомъ положеніи теорія его имѣеть смыслъ. Слѣдовательно, попытка Нехлюдова ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить въ пользу рассматриваемой теоріи. Съ своей землей онъ, конечно, могъ что угодно дѣлать, но только, какъ филантропъ. Это самое и поняли мужики непосредственнымъ чутьемъ своего здраваго смысла.

— «Да отдай мужикамъ (землю), вотъ и все,—сказалъ беззубый старикъ на объясненія Нехлюдова». И сколько Нехлюдовъ ни бился растолковывать мужикамъ свои мысли, они остались при своемъ мнѣніи, или будь какъ филантропъ, или отдай землю въ аренду по подходящей для мужиковъ цѣнѣ,—но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь, моль, не суйся.

— Изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій видно, — началъ Игнатій Ивановичъ,— что Нехлюдовъ дѣйствовалъ вообще поспѣшно и во многомъ противорѣчилъ своимъ воззрѣніямъ на жизнь. Подчеркивая этотъ фактъ, я нахожу, что Нехлюдовъ далеко не воскресъ въ смыслѣ толстовскаго ученія, хотя онъ и силится убѣдить нась, что будто бы по-

кончилъ съ своимъ прошлымъ и съ барствомъ по преимуществу. Но это неправда: барство глубоко пустило въ немъ корни. Стоить, напр., возвратиться въ Петербургъ, какъ эта старая жизнь барства снова забираетъ его въ руки: «Въ эту среду, говоритъ Толстой, влекли Нехлюдова его привычки, влекли и родственныя, дружескія отношенія. Не смотря на все свое *отвращеніе* къ этой средѣ,—средѣ, гдѣ, по его мнѣнію, «такъ старательно скрыты были страданія, несомыя миллионами людей, для обеспеченія удобствъ и удовольствій малаго числа, что люди этой среды не видятъ и не могутъ видѣть этихъ страданій и потому и *жестоки, и преступны* въ *своей жизни*», не смотря и на то, что самъ Нехлюдовъ достаточно насмотрѣлся на человѣческія страданія и, движимый состраданіемъ, отказался отъ «обеспеченныхъ удобствъ» жизни,—не смотря на все это, такъ глубоко презираемая имъ среда, въ которой онъ воспитался, была всеже мила Нехлюдову, и только въ ней онъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ.

Описывая это душевное состояніе своего героя, Толстой высказалъ глубокую мысль. А именно то, что грѣхи человѣка, подъ разными видами страстей и привычекъ, будутъ мучить этого человѣка при всякомъ положеніи его жизни, такъ какъ окончательная побѣда надъ ними зависитъ отъ воли Божіей; но человѣкъ собственными усилиями, безъ помощи благодати Божіей, никогда не освободится изъ-подъ власти тяготѣющаго надъ нимъ зла.

Съ точки зрѣнія своей новой вѣры, Нехлюдовъ, видимо, отрицааетъ законъ зла, противоборствующій закону духа. Послѣднімъ, между прочимъ, и объясняется его Нехлюдовское самодовольство, самолюбованіе «хорошими» своими поступками и отсутствіемъ въ немъ христіанскаго смиренія. Теперь интересно бы узнать, въ чёмъ состоить эта его новая вѣра, и есть ли она въ самомъ дѣлѣ у Нехлюдова? На такой важный вопросъ Толстой, по обыкновенію, даетъ неопределенные, туманные отвѣты. Влагая въ мысли Нехлюдова слѣдующія насчетъ вѣры соображенія, онъ говоритъ:— «Дѣло, которое дѣлается нашей жизнью, — все дѣло, весь смыслъ этого дѣла *непонятенъ и не можетъ быть мнѣ понятенъ*. Все это понять, понять все дѣло хозяина — не въ моей власти. Но дѣлать его волю, *написанную въ моей совѣсти*, — это въ моей

власти, и это я знаю,—несомнѣнно, и когда дѣлаю, я несомнѣнно спокоенъ».

Подумайте, друзья, что это за опредѣленіе вѣры у Толстого, на которой желаетъ обосновать свою жизнь Нехлюдовъ! Если это говорится въ отношеніи Бога, какъ Творца и Промыслителя, то, конечно, планы Его домостроительства намъ неизвѣстны: „Не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ во Своей власти, говорить Спаситель. Но что касается воли Божіей, которую мы должны исполнять, и которая такъ ясно, опредѣленно выражена въ жизни и ученіи Іисуса Христа, то мы не можемъ не знать ее. Иначе какъ же исполнять то, чего не знаешь?” Толстой ищетъ опредѣленія воли Божіей въ нашей совѣсти. Но о совѣсти у насъ была рѣчь, и мы убѣдились, что по Толстому совѣсть не можетъ быть безошибочнымъ указателемъ нашихъ поступковъ. И преступникъ, совершая свои преступленія, не чувствуетъ иногда угрызеній совѣсти и бываетъ спокоенъ, какъ спокоенъ Нехлюдовъ, занимаясь дѣлами филантропіи. Кто же изъ двоихъ исполняетъ волю Божію?

— Философія Нехлюдова насчетъ вѣры,—сказалъ Владимиръ Николаевичъ,—потому и неясна, что онъ самъ еще не былъ твердо увѣренъ ни въ своей дѣятельности, ни въ томъ, что въ немъ произошелъ благой кризисъ. Опредѣленіе онъ началъ разсуждать о вѣрѣ значительно позднѣе и, главнымъ образомъ, съ того момента, когда «машинально открылъ подаренное ему англичаниномъ Евангеліе». Собственно Евангеліе было главной причиной его духовнаго пробужденія, опредѣленіемъ смысла его жизни, а то, что раньше съ нимъ было, послужила лишь преддверiemъ къ послѣднему. «Въ этомъ все,—думалъ Нехлюдовъ,—я жиль и весь мы живемъ въ нелѣпой увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденія. А вѣдь это очевидно нелѣпо. Вѣдь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы, какъ грибы, родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ будетъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получать наибольшее благо, которое доступно имъ. *Ищите*

Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится». Не то же ли вы говорите, Игнатій Иванович,—заключилъ Владіміръ Николаевичъ, что воля Божія опредѣлена ученіемъ Христа?

— Да, ученіемъ и жизнью Христа,—сказалъ я, причемъ разъясняю, что какъ во взглядѣ на лицо Христа, такъ и на Его ученіе,—я расхожусь съ Толстымъ. Христось прежде всего Богочеловѣкъ. Его ученіе есть откровеніе воли пославшаго Его Отца. Только Единородный Сынъ, равновѣчный Отцу, посланъ Отцемъ въ міръ,—мы же не посланы, а рождены во времени. Посему выраженіе Толстого «посланъ», относящееся ко всякому человѣку, надо считать ложнымъ; ибо этимъ выраженіемъ онъ настѣ ставить какъ бы въ равновѣчность Христу, что, между прочимъ, и разъясняетъ Толстой въ своемъ сочиненіи «О жизни».

— И мнѣ думается, что у Толстого много странностей,—послыпалась голосъ одного изъ собесѣдниковъ, человѣка довольно зреѣлыхъ лѣтъ. И въ проповѣди, и въ частныхъ разговорахъ съ Толстымъ мнѣ приходилось замѣтить, что онъ отрицааетъ божественность Христа, словомъ, отрицааетъ догматическую часть христіанского ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же говоритъ, что воля Бога выражена только въ ученіи Христа; и что если бы люди исполняли это ученіе,—царствіе Божіе водворилось бы на землѣ.

Одно изъ двухъ: если Толстой долженъ признать ученіе Христа за откровеніе отъ Бога, или же считать его за плодъ человѣческаго разума, за произведеніе мудреца, моралиста-философа и т. п., которое, какъ таковое, всегда должно быть несовершенно. Двоевѣріе же Толстого, какая-то недоказанность совсѣмъ непослѣдовательны и вредятъ дѣлу; разъ ученіе Христа—истина (какъ думаетъ и Толстой), то всѣ другія ученія, какъ то: философскія, моральныя, научно-социальнія и т. д., — будуть лишь относительно истинны по степени приближенія къ данной истинѣ, и даже ложны, если противорѣчатъ истинѣ. Далѣе, если людей, какъ творцовъ названныхъ ученій, мы величаемъ мудрецами, философами, міровыми геніями и воздвигаемъ въ честь ихъ памятники, то Христа съ Его божественнымъ ученіемъ мы должны прославлять, какъ Бога, воздавать поклоненіе и молитвы ему

въ храмъ своего сердца и быть членами Церкви, которую Онъ установилъ, живя на землѣ.

Вотъ къ чему приводятъ нашъ разумъ и совѣсть въ дѣлѣ исканія истины. А двоевѣріе, какъ у Толстого, не можетъ быть оправдано ни совѣстью, ни разумомъ.

— Держась одинакового съ вами образа мыслей въ вопросѣ о вѣрѣ, говорилъ Игнатій Ивановичъ, я позволю себѣ резюмировать ходъ нашихъ разговоровъ. Изъ всего сказаннаго выяснилось, что поголовное отрицаніе Толстымъ существующихъ успѣховъ жизни, ея законовъ и идеаловъ ни на чёмъ не основано. Безусловный индивидуализмъ и анархія въ сущности враги прогресса и жизни, такъ какъ идутъ противъ ея естественнаго теченія и развитія. Прогрессъ жизни или то, что называется Царствомъ Божіимъ, разумѣется, не можетъ быть безъ участія людей, какъ сыновъ этого царства. Участіе наше должно выражаться въ активной дѣятельности на пользу общую, на достиженіе высшаго блага. Притча евангельская, которую Толстой приводить въ концѣ романа, служить нагляднымъ доказательствомъ того, какой смыслъ мы должны придавать своеї службѣ и чѣмъ должны руководствоваться въ общей, такъ сказать, міровой работѣ.

Изъ той же притчи мы можемъ видѣть, что Царство Божіе или жизнь въ Христѣ въ сущности предметъ нашихъ упованій. Это основанное Христомъ царство далеко не водворилось среди всѣхъ людей, а не водворилась потому, что міръ еще въ злѣ лежитъ. Поэтому-то мы, всѣ вѣрующіе христіане, просимъ въ молитвѣ Отца Небеснаго: „Да пріидетъ царствіе Твое“.

Оно не водворилось и потому, что не всѣ люди ищутъ его. Большая часть изъ насъ, какъ справедливо думаетъ Толстой, заняты исключительно собственнымъ благополучіемъ, холять и лелѣть свои страсти и тѣмъ только увеличиваются зло. А есть и такие, которые хотя и борются со зломъ, но способомъ не дѣйствительнымъ для зла. Я разумѣю собственно тѣхъ нашихъ альтруистовъ, которые сосредоточили мысль исключительно на материальномъ благѣ, дѣлая его основою для нравственности.

Такимъ образомъ мечта о золотомъ вѣкѣ, которою заняты были еще древніе мудрецы, и пророчества Исаи о томъ,

что мечи раскуютъ на орала, что агнецъ возляжетъ рядомъ съ волкомъ,—остается пока и теперь мечтою. Человѣчество въ лучшихъ своихъ представителяхъ, мы видимъ, давно искало пути, жаждало, такъ сказать, водворенія Царства Божія на землѣ, а Христосъ говорилъ, что оно уже приблизилось для отдѣльныхъ личностей, для большей или меньшей группы людей, оно и въ наше время есть среди истинныхъ послѣдователей Христа. Но среди христіанскихъ народностей (не говоря ужъ о человѣчествѣ въ его цѣломъ) оно далеко не водворилось. И это, не смотря на всѣ блестящія побѣды современной науки, которая, съ пользою для человѣка, открыла многіе невѣдомые ему прежде законы природы, которая утилизировала силы послѣдней, облегчила средства путей сообщенія и тѣмъ послужила хотя къ вѣнчанему объединенію разноплеменныхъ народностей, которая при посредствѣ печатного станка установила обмѣнъ мыслей, сгладила національную обособленность, сроднила, такъ сказать, людей другъ съ другомъ,—все это, безспорно, огромная завоеванія ума человѣческаго, и тѣмъ не менѣе все это относится лишь къ вѣнчанему, мишурному счастію нашему; тогда какъ внутренній строй жизни людей, область нравственныхъ чувствованій остается почти безъ измѣненій. Съ одной стороны, при всѣхъ благахъ культуры, большая часть людей совершенно удалена отъ этихъ благъ и пребываетъ въ бѣдности, коснѣетъ въ невѣжествѣ, которое нерѣдко влечетъ многихъ въ преступленія и пороки. Съ другой стороны, и сами обладатели означенныхъ благъ не могутъ сказать, что они счастливы. Напротивъ, если вѣрить Толстому, эти люди, пребывающіе въ довольствѣ и роскоши, чрезвычайно бѣдны духомъ. Гдѣ-жъ въ такомъ случаѣ наше истинное счастіе, гдѣ покой душамъ нашимъ? Въ соблюденіи заповѣдей Христовыхъ, отвѣчаетъ Евангеліе, въ отреченіи отъ себя и слѣдованіи за Христомъ, Который Свою безгрѣшною жизнью содѣлался для насъ вѣчнымъ идеаломъ. Но заповѣди отреченія вовсе не налагаются на насъ обязательного удаленія отъ міра со всѣми его соблазнами, чего требуетъ Толстой отъ своихъ послѣдователей, причемъ къ числу соблазновъ относить всякаго рода государственную и общественную службу. Мы видимъ, что этого безусловнаго отказа отъ службы не должно быть, на основаніи высшаго блага. Хотя съ дру-

той стороны нельзя не согласиться и съ Толстымъ въ томъ смыслѣ, что многія гражданскія обязанности сопряжены съ большимъ соблазномъ и поэтому требуютъ отъ насъ борьбы. Но вѣдь борьба, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть тотъ же законъ жизни. „Царство Небесное нудится“, говорится въ Евангеліи, и только при усилии восхищаютъ его. Чтобы называться послѣдователемъ Христовымъ, — нужно объявить открытую войну всѣмъ соблазнамъ міра и тьмы, да послужить свѣточесмъ каждый своей средѣ.

Особенно тяжелый подвигъ налагаются на христіанина обязанности начальника. «Начальствующій (поется на стихирѣ въ Великій вторникъ) долженъ быть, какъ подначальный»; быть начальникомъ значитъ быть меньше всѣхъ, всѣмъ служить». Болій васъ, говоритъ Христосъ, да будетъ всѣмъ слуга. И Господь за тѣмъ пришелъ, чтобы всѣмъ служить и «положить душу Свою за многія души». Несомнѣнно, что этотъ подвигъ, окруженный массою соблазновъ, для смиренного христіанина, наиболѣе тяжелъ, въ виду чего многіе изъ такихъ смиренныхъ людей отказывались отъ роли начальника. Такъ, напримѣръ, преп. Сергій долго не хотѣлъ принимать санъ игумена, а св. Тихонъ Задонскій тяготился омофоромъ епископа. Отсюда опять не слѣдуетъ, что существующія должности и власти должны быть устраниены, а слѣдуетъ лишь то, что на означенныя должности желательно имѣть истинныхъ христіанъ, каковы были названные святые и множество другихъ праведниковъ, оставившихъ по себѣ память добрыхъ начальниковъ и мудрыхъ правителей.

Равно также весьма желательно, въ интересахъ высшаго блага, имѣть въ подчиненіи достойныхъ христіанъ. Это тѣмъ болѣе важно, что при настоящихъ условіяхъ жизни гораздо больше является желающихъ начальствовать, нежели подчиняться.

Стремленія подобнаго рода и желаніе «властвовать другъ надъ другомъ» могло развиться въ каждомъ изъ насъ отъ нехристіанского взгляда на цѣль жизни и въ ложномъ понятіи, что будто бы легче управлять, чѣмъ быть управляемымъ. Все это противорѣчить идеѣ Царствія Божія. Какъ же избѣжать подобныхъ противорѣчій? Избѣжать это можно воспитаніемъ христіанской воли въ себѣ. Это, по моему,

одинъ изъ наиважнѣйшихъ современныхъ вопросовъ жизни.

Проведите христіанскія начала прежде всего въ семью, затѣмъ въ школу и, наконецъ, въ общество, съ тѣмъ, чтобы эти начала были душою прогресса. И всѣ ненормальности семейнаго и школьнаго воспитанія, съ его эгоизмомъ и карьеризмомъ во главѣ, отпадутъ.

При этомъ необходимымъ условіемъ успѣха семейнаго воспитанія является непосредственное дружественное общество родителей съ дѣтьми; посредство нянекъ, боннь, гувернантокъ и гувернеровъ должно быть изгнано. Подобная же близость должна существовать между учащими и учащимися въ школѣ. А такъ какъ школа должна быть помощницей семьи и собственно должна пополнять пробѣлы воспитанія послѣдней, то между нею и семьей непремѣнно долженъ быть заключенъ тѣсный союзъ подъ знаменемъ «воспитанія христіанской воли въ человѣкѣ».

Итакъ, гг.,—обратился Игнатій Ивановичъ къ компаніи,— вотъ, по моему, задачи жизни или очередные вопросы нашего времени, призывающіе людей на общее плодотворное дѣло. Изъ нась, собравшихся здѣсь, быть можетъ, кому-либо придется занять роль воспитателя дѣтей. Въ болѣе глубокомъ смыслѣ воспитателемъ можетъ быть каждый человѣкъ по отношенію другъ друга и въ свою очередь быть воспитываемымъ этимъ другимъ. Или, какъ говорить апостоль языковъ: «другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ». Притомъ мы всѣ, по милости Божіей, занимаемъ ту или иную общественную должность, т. е. служимъ. Служимъ мы, правда, по необходимости,—изъ-за куска насущнаго хлѣба. Послѣднее, по моему, опять зло, хотя, быть можетъ, и меньшее, чѣмъ изъ-за карьеры и чиновъ, но все же зло. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны бросить занимаемыя нами должности, напротивъ, должны служить и служить по долгу совѣсти, служить людямъ, потому что, служа, мы какъ бы невольно связаны со всѣми дѣломъ взаимопомощи, несемъ общей тяготы. Служить, главное, Богу, служить Ему со страхомъ и радостью, служить человѣчеству для возвращенія Царства Божія на землѣ. Но при этомъ не надѣяться исключительно на свои силы, не думать вмѣстѣ съ Толстымъ, что человѣкъ *можетъ*,—

иѣть, а ввѣрять себя помоши Божіей, подчинять себя Богу. И вотъ такая-то наша служба наиболѣе достойная и необходимая въ винограднику Христа.

— Игнатій Ивановичъ! вы...

И молодой человѣкъ задумался, когда они остановились вдвоемъ на поворотѣ къ какому-то переулку, гдѣ должны были разойтись въ разныя стороны.

— Да вамъ собственно куда?—спросилъ учителя Игнатій Ивановичъ.

— Мнѣ на М—ую.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія: мнѣ на В—ую, — впрочемъ надѣюсь завтра съ вами видѣться.

— Непремѣнно. Ужъ слишкомъ много разныхъ, серьезныхъ вопросовъ затронуто было нынѣ на собраніи. Знаете, надо обдумать очень, очень много,—волнуясь, говорилъ учитель, устремляя свои мечтательные глаза на Игнатія Ивановича.

— Что-жъ, очень радъ буду, — приходите. И дружески пожавъ руку учителю, съ обычной торопливой походкой ринулся вдоль переулка.

Молодой человѣкъ, медленно, понуривъ голову шагалъ по большой улицѣ. Онъ, дѣйствительно, былъ взволнованъ и разсѣянъ. Онъ какъ бы не замѣчалъ сильного уличного движения и неловко на ходу толкался съ публикой. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ храму Христа Спасителя, онъ снялъ шапку, перекрестился, вздохнулъ и на минуту остановился, сбираясь съ мыслями.

Былъ такой часъ ночи, когда со всѣхъ увеселительныхъ мѣсть: театровъ, клубовъ, маскарадовъ, загородныхъ таинственныхъ гостиницъ, вродѣ Яра и Стрѣльны,—возвращалась подгудывавшая праздная публика. Всевозможные экипажи, отъ извозчикъ саней до каретъ включительно, сновали по улицамъ и переулкамъ, особенно много ихъ скопилось на главныхъ улицахъ. Скрипъ полозьевъ по замерзшимъ мостовымъ, безпрестанные окрики возницъ: „стой! держи направо! налѣво!“—сливались въ одинъ общій гулъ. Молодой человѣкъ, погруженный въ свои думы, не замѣчалъ, что происходило вокругъ него, не слыхалъ ни тѣхъ окриковъ, кото-

рыми предупреждали неосторожныхъ пѣшеходовъ возницы, перебѣгавшихъ черезъ улицу, ни того, какъ чей-то грубый голосъ вдругъ крикнулъ почти надъ самимъ его ухомъ: „Эй! посторонись! пьяный что-ли?“ И въ тотъ же моментъ лихая паро. покрытая попоной, пронеслась близъ его плеча. Это заставило его на минуту прийти въ себя.

„Однако мнѣ надо позаботиться о ночлегѣ, — подумалъ учитель, вѣдь сегодня и мнѣ негдѣ главы приклонить. Вотъ здѣсь, помнится, гдѣ-то были недорогіе номера гостиницы“. Онъ подошелъ къ двухъэтажному дому. Входъ въ номера былъ съ переулка, тускло освѣщенный висячимъ надъ дверью фонаремъ. Также слабо была освѣщена и лѣстница, ведущая во второй этажъ дома, куда и поднялся молодой человѣкъ.

— Коридорный! есть свободные номера? — крикнулъ онъ довольно громко.

— Есть, пожалуйте! послышался чей-то хриповатый голосъ.

— А документы съ вами? — спросилъ, подойдя къ учителю, черноватый, высокаго роста, среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ и съ покраснѣвшими отъ безсонницы глазами.

— Документовъ со мной нѣть,—отвѣчалъ учитель.

— Безъ документовъ нельзя-съ.

— Да вѣдь мнѣ только почевать, какихъ-нибудь 3 — 4 часа провести здѣсь.

— Невозможно-съ, ни подъ какимъ видомъ-съ, больно строго стало,—насъ штрафуютъ-съ оченно.

— Странно! какъ же быть, не почевать же на улицѣ!

— Не могимъ знать-съ. Потому начальство не приказываютъ никого пущать безъ документа-съ.

Молодой человѣкъ взглянула на часы. Было въ началѣ третьяго утра. Какъ разъ черезъ два съ половиной часа долженъ отправляться поѣздъ. „Самое лучшее ѿхать на вокзалъ, подумалъ онъ, спускаясь назадъ по лѣстницѣ. Жаль только, что завтра не увижуясь съ Игнатиемъ Ивановичемъ“.

На улицахъ стояла тишина и учитель удивился, что онъ дремалъ, сидя въ саняхъ и разбуженный извозчикомъ лишь у самаго вокзала.

C. Бронницкий.